

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Русский крест

Александр Лапин

Волчьи песни

«Автор»

2015

Лапин А. А.

Волчьи песни / А. А. Лапин — «Автор», 2015 — (Русский крест)

«Волчьи песни» – продолжение ранее вышедших романов «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания» и «Вихри перемен», объединенных под общим названием «Русский крест». В новой книге полюбившиеся читателям герои – друзья детства и юности – становятся свидетелями и участниками эпохальных событий 1990-х, потрясших Россию и бывшие братские республики. Путч 1993-го, Чеченская война, приватизация и стихийное зарождение рынка, новые страны, новая жизнь – время меняет судьбы людей и само меняется под их влиянием. Герои романа приспособляются и борются, побеждают и проигрывают, любят и ненавидят – в жестоком изменчивом мире каждый сам за себя и у каждого своя песня. Все ли смогут выстоять и найти свой путь?

© Лапин А. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

От автора	6
Часть I	8
I	9
II	12
III	24
IV	33
Часть II	38
I	39
II	40
III	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

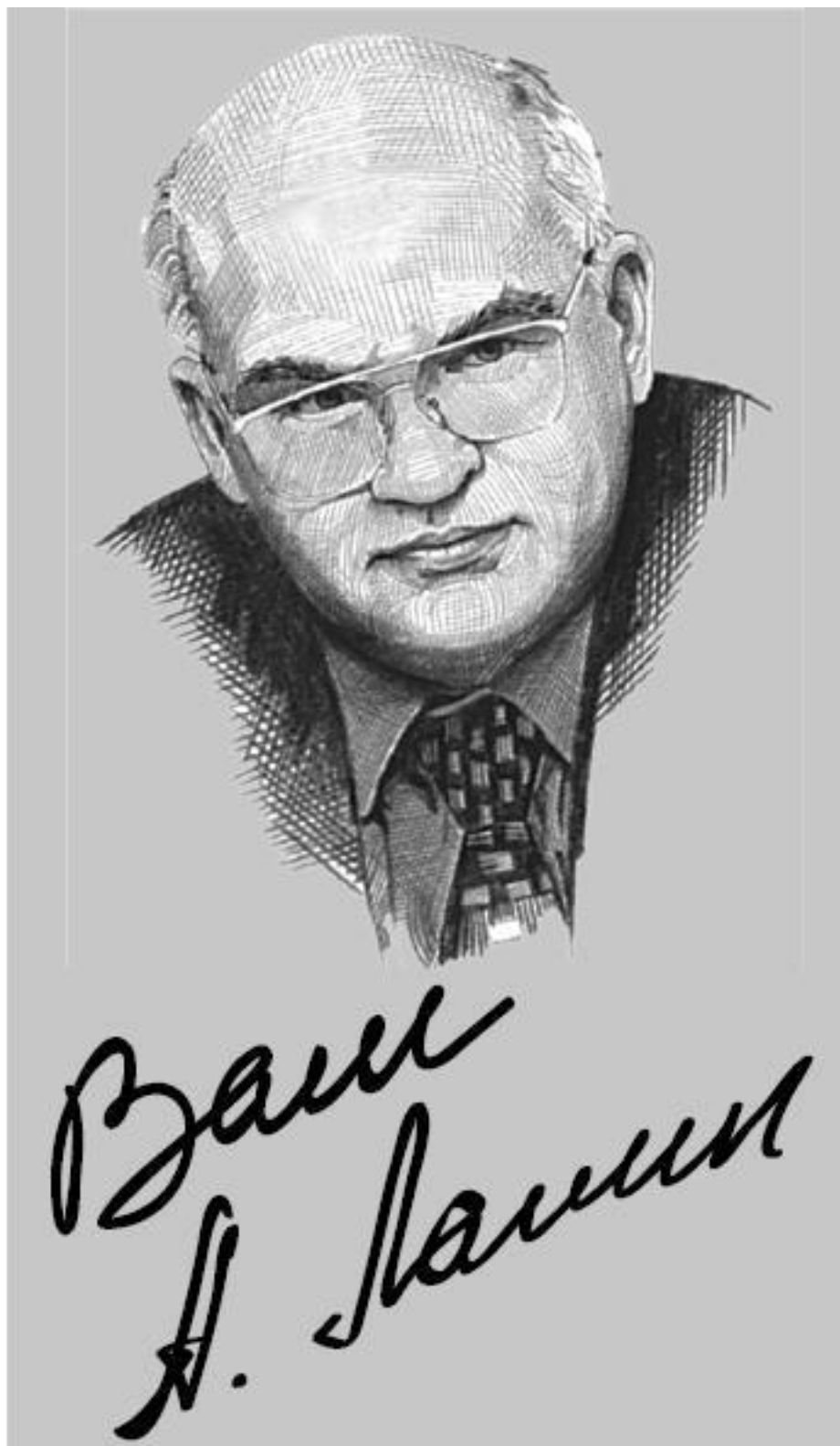
Александр Алексеевич Лапин

Волчьи песни

© Лапин А.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

От автора

«Волчьи песни» – продолжение уже вышедших романов «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания» и «Вихри перемен», объединенных общим названием «Русский крест». В этом большом произведении я пытаюсь не только осмыслить свой опыт, но и

понять, как исторические события в масштабе огромной страны влияют на судьбы людей. Я хочу осознать, что может изменить человека, где его корни и внутренний стержень.

В новой книге я продолжаю рассказывать о судьбах четырех друзей детства. Они через многое уже прошли, многое им еще предстоит. Мои герои – свидетели драматичных изменений и событий, которые затронули Россию и бывшие братские республики после распада СССР. Путч 1993-го, Чеченская война, становление рыночной экономики – в новом мире сложно найти себя, еще сложнее не сломаться. Это время двойственное, как символ волка: для кого-то он – воплощение созидательной силы, защитник, а для кого-то – агрессия и разрушение. В такое время у каждого своя песня. Сохранят ли герои книги себя? Кто из них пойдет против течения, кто подстроится, кого жизнь и время перемелют, разнесут на куски, чтобы дать уйти в небытие или возродиться?

Так и было с моим поколением, которому в «лихие 1990-е» пришлось столкнуться с новой жизнью, подчас жестокой, но полной возможностей и перспектив. И мы, как и герои «Волчьих песен», в это странное время боролись, любили, искали себя.

Часть I

Борискино царство

I

В некотором царстве, в некотором государстве жил Иван-дурак. Дурак-то он дурак, но власть любил. И, главное, везло ему. Так уж получилось, что царь-государь этой страны решил все в ней переделать. И позвал он в помощники полудурков со всего света.

Начали они перестраивать все: сносить стены, ломать окна, крушить мебель. Работают, стараются.

Наконец, разломали все, что можно. Сели посередине дворца. И думу думают. Что делать дальше? Плана-то совместного никакого нет.

А Иван-то дурак дураком, а помнит, что в конце каждой сказки он получает в жены царевну и полцарства в приданое. Вот он и говорит остальным полудуркам: а давайте царство поделим. И каждый в своем углу начнет строить, что захочет.

– А как же царь? – говорят остальные.

– А мы все сделаем потихоньку от него! – отвечает Иван.

Сказано – сделано. Съехались они в тайное место. Выпили хорошо. И стали царство делить. Ивану, как инициатору, дали огромный кусок – ровно половину. Остальное разобрали по себе.

Проснулся утром прежний царь. А царства-то и нету. Везде сидят свои князьки. И правят, как умеют.

Народ же чегой-то сумлевается. Говорит: «Конечно, сказки – дело хорошее. Но все они заканчиваются на получении Иваном половины. А вот как дурак потом правит своим полцарством – ни гу-гу! Боязно нам!»

А Иван ездит по городам и весям. И народу обещает:

– Не пройдет и года, как потекут у нас молочные реки, кисельные берега. Все зацветет и запахнет! Есть у меня такие люди, такие советники, что стоит им чихнуть, как прибегает Сивка-Бурка, вещая каурка, да столько капусты приносит, что на всех хватит.

Ну, народ и поверил.

Сказка продолжилась. Стал дурак править. Перво-наперво решил добро, что осталось, раздать своим людишкам. Но не тут-то было! Боярская дума, будь она неладна, захотела его ограничивать. Там-то не дураки сидят. Ты, мол, давай сначала с нами посоветуйся. Да поделись! А уж потом... Но Иван не стал слушать Думу. У него в то время были свои советчики: вампир-кровосос, что все причмокивал, рыжий бес да дядька Черномор. Стали они его подзуживать: «Ты уже от царя-батюшки избавился. Так давай теперь и бояр “к ногтю”. Одним махом. А потом все добро и поделим».

А дураки, они, надо знать, люди падкие на такого рода советы, типа отнять и поделить.

По их советам Иван и сделал. Думу, которая должна была его уму-разуму наставлять, пушками разогнал.

И давай куролесить! Перво-наперво начал своих холопов награждать. Рыжий бес ему подсказывает, а царь-дурак вотчины без счета раздает.

Ну, хитромордые упыри, вурдалаки, вампиры, нетопыри и прочая нечисть к нему начали льнуть. Мы, мол, тебя, батюшка, обожаем. Уж так любим! В обиду народу не дадим.

Дурак радуется. И тем, кто хвалит его лучше всех, отдает нефтепромыслы, рудники, заводы, фабрики.

Только дядька Черномор не дал свою трубу распилить и растащить. Сел на нее, уперся. Не дам. И все тут.

Ну, и бог с ним, пусть забавляется.

Сидит дурак довольный. Правит по-царски. С утра придет на работу. Примет от души. И хоть трава не расти.

А народ-то взвыл. Раньше с этих нефтепромыслов, заводов да фабрик все как-то жили. А теперь упыри да вурдалаки никого не подпускают. Все ихнее. За границу продают. И деньги там складывают. Готовятся бежать вместе с добром, ежели народ пробудится и начнет их на вилы сажать.

Понял царь-дурак, что маху дал. Ан поздно уже. Народ от него отвернулся. Одни хитромордые вокруг. Ужаснулся он такому делу. Проспался с полупьяну. Вылез в окошко-телевизор. И стал просить у народа прощения.

Что ж, народ наш добрый. Незлобивый. Почесали «репу». Вздохнули. Простили. И отпустили дурака с престола. С миром.

Такая вот история получилась. Сказка – ложь, да в ней намек. Добрым молодцам урок...

II

Сладко спится народу в этот ранний час за кремлевской кирпичной стеной. Тишина и покой царят в этой цитадели державности и российского могущества. Дремлет брусчатая Красная площадь с языческой пирамидой Мавзолея и православным храмом Василия Блаженного. Мертвым сном спят в каменных саркофагах в Архангельском соборе великие московские князья и цари. Дремлют сизые голуби на башнях...

...Похрапывают и что-то бормочут во сне бойцы спецподразделения, разместившегося на ночлег прямо в огромном зале Кремлевского дворца съездов. Не спит только он – капитан Казаков. Молча лежит на своем бушлате в проходе между бархатными креслами, ждет позднего осеннего рассвета и думает горькую думу:

«Как такое могло получиться? Еще год тому назад эти ребята – Ельцин, Руцкой, Хасбулатов – были неразлейвода, друзья-демократы. А сегодня грызут друг друга безо всякой пощады. Сцепились, словно бешеные собаки. Делят власть! Да ладно бы занимались этим у себя на съездах и в кабинетах. Нет, они втягивают в драку весь народ! И нас тоже!»

Капитан потихоньку поднимается со своего импровизированного ложа и бредет через просторный холл, мимо спящих офицеров в туалет. Там долго плещет над белой раковиной водой в лицо, прогоняет остатки дремоты и тревоги – что день грядущий нам готовит?

Вчера вечером их собрали по тревоге. Экипировали, вооружили. И привезли сюда, в Кремль, поближе к начальству. Дело в том, что после августа девяносто первого победители сообразили, какую силу они имеют в лице этого спецподразделения и какую опасность оно представляет для власти. И сделали вывод. Надо держать супербойцов поближе к себе. Так группа перешла из подчинения «конторе» под непосредственное руководство федеральной службы охраны.

Для укрепления дисциплины из запаса привлекли бывших командиров. Обласкали их. И поставили задачу – повысить боеспособность до максимума.

Тренировки усилились. Но эффекта не дали. Потому что народ теперь стал больше думать. И, соответственно, лучше понимать, что происходит на самом деле.

* * *

Народ пробуждается в буквальном смысле. Навстречу ему по широкой беломраморной лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой, шагает лейтенант Петров в одной майке с перекинутым через плечо белым вафельным полотенцем.

– Доброе утро! – приветствует он боевого товарища, позевывая во весь свой щербатый рот.

– Доброе, коль не шутишь! Ты не сдаваться идешь с белым флагом? – буркает в ответ Анатолий, слегка удивляясь такому вот неболевому прикиду товарища: «Как-никак, а это Кремль, Дворец съездов. А он тут гуляет в неглиже».

– Анатолий Николаевич! – не обращая внимания на недовольный тон капитана, доверительно обращается к нему Михаил. – Тут, кажется, такой сюжет заворачивается, мама не горюй! наших отцов-командиров пригласили к самому... – и Михаил показывает глазами вверх.

– Бойцы гудят!

– Ладно, иди мойся! Аника-воин! – усмехается, несмотря на холодок в груди, капитан. – А то на завтрак опоздаешь!

– Какой уж тут завтрак, в Кремле-то? – полувопросительно, полуутвердительно добавляет Петров.

– Вот и я говорю! – неопределенно хмыкает Казаков.

А в зале все уже проснулись. Кто сидит прямо в камуфляже в шикарных креслах. Кто лежит. Ждут. Переговариваются. А поговорить есть о чем. Информация поступает разноречивая и разноплановая. Красавец мужчина подполковник Горчаков, молодцеватый и подтянутый, рассказывает сидящим рядом офицерам о своих вчерашних вечерних приключениях по дороге на базу:

– Иду по улице. Сплошным потоком тянутся к телецентру зеваки. С детьми, собаками, семьями... На углу толпа ротозеев. Чуть поодаль горят троллейбус и большой рекламный щит. С той стороны, навстречу, подтягивается зеленая колонна бронетехники. В пламени огня вижу, что от колонны отделяется «коробочка»¹. Ствол пулемета опускается. И она дает длинную очередь над головами тусовщиков. Небо темное. И трассер прямо расчерчивает его.

Но ротозеи продолжают глазеть... Я чувствую, что следующую бронетранспортер даст совсем низко. Кричу им: «Ложись! Ложись! Детей куда тащите, придурки!» И точно. Только успеваю упасть на землю, как он дает. Крупнокалиберные пули стригут ветки молодых березок, вырubaют из стволов куски и щепки... Народ как стая бросается врассыпную...

Анатолий слушает его рассказ и думает: «Да, это не девяносто первый. Тогда стрелять боялись. Теперь все изменилось. Народ озлоблен. И уже готов идти стенка на стенку!»

– Товарищи офицеры! – раздается впереди зычная команда.

Из боковой двери в зале появляются одетые в полевую форму отцы-командиры: Карнухин, Алексин, Малыцев. Они взволнованы. Доносят чудные новости и приказы, которые получили сверху. До Казакова, стоящего в толпе офицеров, долетают и падают в зал, как увесистые камни, громкие слова:

– В Москве мятеж!

Мятежные депутаты Верховного совета заняли Белый дом! Сделали из него штаб по борьбе с президентом. И объявили президента низложенным... Вчера в столице захвачена мятежниками мэрия. Затем они направились в Останкино...

Был бой. Есть убитые и раненые... Ситуация накаляется с каждым часом... Руководство приказывает нам выступить на защиту законной власти...

Мы от имени всей группы уверили президента, что готовы приступить к операции... Может быть, придется штурмовать Белый дом...

Последняя фраза утонула в дружном, недоуменном гуле.

– Опять нас подставили! – злится стоящий рядом с ним уса́тый, как морж, Степан Михайлович.

– Мы крайние! – громко, чтобы было слышно, басит здоровенный подполковник Грачухин.

– Даже Грачев попросил в ответ на приказание штурмовать, чтобы ему дали письменный приказ... А нас, как всегда, и не спрашивают...

– Подставят, а потом бросят на съедение, – выкрикивает кто-то из середины группы.

Все они грамотные люди. Многие с высшим образованием. И прекрасно понимают, кто кому реально в стране подотчетен и должен фактически подчиняться. И, проще говоря, выходит, что сегодня Россия парламентская, а вовсе не президентская республика.

– Боязно, однако! – шепчет про себя Анатолий. – Как бы не вляпаться. – И добавляет уже погромче: – Кто тут прав? Кто виноват? На одной стороне – Ельцин и его люди, министр обороны, начальник ФСО. Вся исполнительная власть. На другой – опять же вице-президент, спикер парламента, всенародно избранные депутаты. Пойди тут разберись.

– Без бутылки ну никак, – горько смеется Мишка Петров.

Народ угрюмо и упорно молчит.

¹ Коробочки – боевые машины десанта, сокращенно БМД. (Примеч. автора.)

Казачков не так давно вывел для себя, как ему кажется, простую, но очень эффективную формулу поведения в таких нестандартных ситуациях, которыми сегодня так изобилует их жизнь. Если не знаешь, как поступить, поступай по закону. Но сейчас закона нет. Одна власть поднимается на другую.

И тут ему в голову приходит спасительная мысль. И он озвучивает ее немедленно:

– А пусть конституционный суд даст нам разъяснение по этому поводу!

– Точно!

– Правильно!

– Это будет справедливо! – подхватывают его идею стоящие рядом офицеры.

А там впереди ее уже через минуту передает начальству подполковник Горчаков.

– Что делать будем? – Мальцев, командир группы, Герой Советского Союза, слегка рас-
терян. Он совсем недавно призван из запаса. Его поставили во главе спецподразделения. На
него надеются. Ему казалось, что он-то знает каждую мысль, каждое движение душ своих под-
чиненных. А тут такой конфуз. Народ против. Требуется решения Конституционного суда.

Командир в нерешительности обращается к своим заместителям повторно. Карнухин
вытирает платком вспотевший лоб. И отвечает:

– Надо звонить шефу!

Это значит: самому Барсукову. Коменданту Кремля.

После по-военному недолгих телефонных переговоров отцы-командиры сообщают куч-
кующимся в зале спецназовцам:

– Ребята! Кто пойдет с нами на встречу? Давайте отберем людей авторитетных и прин-
ципиальных.

* * *

Не проходит и получаса, как они уже шагают по длинным кремлевским переходам и лест-
ницам. И, наконец, всей своей небольшой и молчаливой, только на ходу перекидывающейся
односложными замечаниями группой прибывают в зал Совета безопасности России.

Несколько минут стоят в нерешительном ожидании, поглядывая на «советскую роскошь
отделки». Все здесь просто и примитивно. Это уже потом, через несколько лет, когда Ельцин
окончательно забронзовеет, этот зал, впрочем, как и другие кремлевские покои, будет заново
отделан и обставлен – роскошно, по-царски. А пока – спартанская обстановка. И они профес-
сионально осматривают ее, ожидая и не ожидая какого-нибудь подвоха.

Обычно офицеры группы, как и все сильные, тренированные люди со здоровой, отрегу-
лированной психикой, радушны и добродушны. Но сейчас они угрюмы и насторожены.

Появляется Барсуков. В генеральском кителе с большими звездами. Здоровенный, спор-
тивный, щекастый, но уже слегка заживший детина. Глаза круглые, навывкате.

Здоровается с этими суровыми, много чего в жизни повидавшими мужчинами:

– Ну что, товарищи командиры? Есть проблемы? – начальник охраны старательно прячет
за улыбкой свою тревогу и раздражение.

Но и он как-то тушует, когда после взаимных рукопожатий, отдания чести, прищелки-
вания каблукками командир группы, особо не выбирая слов, по-военному докладывает:

– Группа не хочет идти на штурм. Личный состав считает, что все происходящее анти-
конституционно. И для выполнения приказа нам нужно решение Конституционного суда!

Такого еще не было никогда. Скорее небо упадет на землю, чем советский офицер отка-
жется от присяги. А тут приказ не какого-то абстрактного военачальника, а самого Верховного
главнокомандующего.

Но они уже не советские «винтики и шпунтики». За эти годы многое изменилось. В том
числе и их взгляды.

Барсуков некоторое время переваривает эту информацию, серея лицом, но быстро справляется и так же официально-сухо говорит:

– С вами хочет поговорить сам президент! Через несколько минут он будет здесь!

И действительно, через какое-то время к ним заходит личный телохранитель Бориса Николаевича Коржаков. Высокий, под два метра ростом, человек необычайной физической силы, с жестким прямоносым лицом. Бросается в глаза зачесанная волосами залысина и тонкие, поджатые губы. Он, в отличие от Барсукова, в штатском. И так до сих пор не приобрел дворцового лоска. И, судя по всему, так и не научится тонким византийским интригам при дворе нового президента.

Следом открываются высокие двери в дальнем конце зала. И входит сам. Борис Николаевич. По мере его приближения к группе Анатолию становится видно, что президент не выглядит свежо и бодро. Он, мягко говоря, слегка помят и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Бессонная ночь и «тяжелые переживания» оставили свой отпечаток в виде набрякших под глазами мешков, неровной походки и трясущихся рук.

Раздается команда генерала:

– Товарищи офицеры!

Все по привычке вытягиваются в струнку.

Ельцин смотрит на них внимательным и холодным взглядом.

«Как кобра», – думает капитан в ту секунду, когда взгляд президента скользит по нему. Понять его можно. Ему сейчас надо переубедить их. Переломить настроение. Потому что на данном этапе от этих мускулистых парней зависит и его личная судьба, и судьба государства. А сегодня уже совсем не те времена, когда люди безоговорочно верили, валом валили за ним и вслушивались в каждое сказанное им слово. Прошли те золотые денечки безграничной власти над толпами. Теперь надо напрягаться и убеждать. А это ох как сложно тем, кто привык просто властвовать. И повелевать.

Бледный и явно не готовый к дискуссии, президент в сопровождении адъютанта движется по залу как сомнамбула. И наконец останавливается перед ними.

– Вы будете выполнять приказ президента?! – суровым, замороженным голосом произносит он то ли вопрос, то ли утверждение.

Вот так, а не иначе. О себе в третьем лице. Ни мой приказ, ни Ельцина. Президента.

Но в ответ – тишина.

И тогда он в буквальном смысле слова с трудом «вытаскивает» из себя короткую, не очень внятную речь. Общий смысл ее с большим трудом доходит до собравшихся. Капитан Казаков запоминает только отдельные фрагменты и пассажи. Что-то вроде:

– Советы хотят взять реванш. Они решили развязать гражданскую войну. Как Верховный главнокомандующий я этого не допущу... Товарищи, вы должны спасти демократию... Вы обязаны выполнить приказ. Выполняйте и не мучайтесь сомнениями. Никто за это отвечать не будет. Я за все отвечаю!

И пока он все это говорит, Анатолий смотрит на него и думает: «Странное дело. Мы привыкли верить, что во власти находятся какие-то особенные люди. Не чета нам, дуракам. А что я вижу сейчас? Самого обычного человека. Обычного русского мужика. Слегка одуревшего от свалившейся власти. И от выпивки. Не блещущего интеллектом, не имеющего, собственно говоря, никаких особых заслуг. Так – провинциальный секретарь обкома.

Просто попал человек в струю. Народ искал себе кумира, который поведет его в неведомое царство свободы и блаженства, туда, где будут течь молочные реки с кисельными берегами. И он попался на глаза. Гонимый, обиженный, значит, хороший. И вот он уже президент».

В этот момент Борис Николаевич запинаясь и, прервав свой монолог, резко развернувшись на каблуках, идет к выходу.

Он удаляется. И удаляется, судя по всему, разочарованным.

Видно, что расстроены и люди его свиты. Особенно главный охранник Коржаков. Он понимает, что после этой явно неудавшейся встречи никто не воспылал любовью и преданностью. Так что, судя по каменным лицам офицеров, выезжать на подавление «мятежа» они не собираются. Огорчение телохранителя еще сильнее от того, что он, как человек умный и предусмотрительный, много сделал для поддержания боевого духа этого подразделения.

И вот теперь такой облом!

Для командира спецгруппы боевого, преданного офицера это, похоже, тоже трагедия.

Он сделал все, что мог, чтобы привести спецназ в боеготовность. Уволил людей с сомнительной репутацией. Запретил заниматься «бизнесом». Увеличил нагрузки на тренировках.

Но сегодня речь идет не о профессионализме. А об убеждениях, о выборе пути. И не только их спецгруппой.

Сам Мальцев за это утро как-то осунулся и поник. Человек величайшей храбрости, простой и понятный, он страшно переживает все происходящее. Задыхается от стыда за себя и своих офицеров.

Казаков, как и другие, видит переживания подавленного и убитого всем командира, лицо которого сначала белеет, как мел, а потом начинает алеть нехорошими пятнами. Но что он может сделать? Труднее всего идти против себя.

Расстроенный Коржаков уходит. Хлопает дверью. Не хотите разговаривать? И не надо! А вот их непосредственный начальник – парень «жох» – остается.

– Ну, вы чё, мужики?! – по-простецки начинает он свою игру. – Огорчаєте президента, огорчаєте меня! Что вы заиклились на этом Конституционном суде? Кто вас этому надоумил? Наше дело военное... Дали команду – выполняй!

Так начинается разговор как бы между своими парнями. И пусть один из них высокопоставленный генерал, а остальные рядовые офицеры, не искушенные в большой политике, но все-таки все они люди служивые, подневольные.

Барсуков ищет своими нахальными, навязчивыми глазами их глаза, ловит настроение, нюансы, мелочи, детали. Вспоминает заслуги ребят. Ругается.

В общем, работает, как заправский психолог или... торговец. Ищет контакты с группой. И, наконец, нащупывает.

– Да, мы бы выполнили эту задачу. Но уж больно все туманно, – откликаются на его упреки офицеры. Простые и искренние люди, они чувствуют себя тоже неловко, не в своей тарелке. Особенно молодежь.

И в конце концов, слово за слово, он втягивает их в свою игру. Они соглашаются, делают первый шаг.

– Давайте доедем до Белого дома! Ну и там посмотрим что да как.

– Мы ничего не обещаем заранее. Там решим.

Из Кремля автобусы, нагруженные спецназом в полной экипировке, трогаются в оцепеневший от ожидания ужасов город.

На посту у Боровицких ворот ни одного гаишника...

* * *

Выстрел! Бронированное чудовище выплевывает из ствола стопятидесятимиллиметровый снаряд и, словно живое существо, отряхивается от пыли, дыма, газов.

Это танки, стоящие в ряд на мосту через Москву-реку, ведут огонь по Белому дому, который сегодня уже вовсе и не белый. А серый от пыли, выбитой из его стен пулями крупнокалиберных пулеметов, и почерневший на фасаде от пожара, вызванного рвущимися внутри здания снарядами. Едкий, удушливый столб дыма поднимается вверх, то и дело окутывая закопченные часы на башенке и повисший от безветрия российский триколор.

При каждом танковом выстреле стекла в соседних домах вибрируют и рассыпаются. В здании же парламента они держатся. До последнего. От выстрелов из автоматов и пулеметов покрываются сетью мельчайших трещин. И только когда отверстий становится слишком много, вдруг, не выдержав собственной тяжести, глыбой, как ледяные айсберги, ухают вниз. И со взрывным грохотом рассыпаются на асфальте мелкими осколками.

Становится понятно, что их группа подросла в самый разгар драмы. Но они не одни. Как и вчера, на месте столкновения полно зевак. Десятки тысяч людей. Их не пропускают. А они лезут, ползут. Прячутся за парапетами, укрытиями. Глазеют, как брызжет под очередями мраморная крошка, летит пыльным облаком штукатурка, рикошетят от бетона трассирующие пули.

У ребят настроение поганое. По дороге сюда от отчаяния чуть не застрелился командир. Едва вовремя остановили. А тут, похоже, события полностью выходят из-под чьего-либо контроля.

Им надо осмотреться. Охватить всю картину целиком. Но уже и так понятно, что конфликт между парламентом и президентом развивается по логике гражданской войны, в которой никогда не будет победителей. Все уже раскушали крови, с каждой стороны есть потери. Все готовы мстить. Пробуждаются звериные инстинкты человека на войне. И эта взаимная жестокость берет верх над разумом.

Неожиданно для самого себя Анатолий вспоминает какой-то слышанный в детстве рассказ своего деда, служившего в охране последнего русского царя: «Кто-то с крыши здания в Питере начал стрелять по военному патрулю на улице. Ну а ребята дали в ответ залп из винтовок. Так-то все и пошло-поихало. И дальше – билыше. Не остановить. С того усё и началось тады».

– Хорошо, что мы здесь не с самого начала. Еще не втянулись! – замечает сидящий рядом с Казаковым Мишка Петров.

«Значит, все тоже думают об этом. Тоже бояться», – думает Анатолий.

Они выгружаются из автобусов в непростреливаемом переулке между домами. И начинают изучать обстановку, местность всем знакома еще с августа девяносто первого.

Понятно сразу: тогда основная масса народа вышла на защиту Белого дома. Теперь – просто посмотреть, что будет.

Смотрят и они. Отсюда, если пройти метров четыреста, видно похожее на тюрьму краснокирпичное здание без окон. Американское посольство. На той стороне улицы, рядом с парламентом, Горбатый мост с декоративными стилизованными фонарями и черными металлическими цепями. Правее от него стоит памятник на черном гранитном постаменте.

Анатолий в бинокль долго разглядывает его. Видит словно рядом – рукой подать – мужика, рабочего с ружьем в руках и в фартуке. Бабу в кофте. Рядом с ними полулежит, видимо, раненый, кем-то подстреленный чугунный дед. Вся троица с ненавистью смотрит в сторону парламента.

Он переводит взгляд еще правее. На детский парк. «Красивый, – думает Казаков, мысленно прокладывая маршрут движения бойцов мимо фигурок разного рода сказочных героев. – Укрываемся в тени фигуры дядьки Черномора. Затем через шахматную площадку, минуя “золотого” короля и белую королеву, добегает до двухэтажного здания – спортзала. Отдыхаем там, где на башенках голуби сидят. Да тут табличка какая-то висит!» Сильный бинокль позволяет ему хотя и с трудом, но все же прочитать надпись на ней: «Уважаемые посетители! На территории детского парка курить, распивать спиртные напитки воспрещается!» Неожиданно додумывается: «Добавили бы еще: и убивать людей тоже! А то снайперы со всех сторон лупят не разбирая. Всех, кто попадет на мушку! Если пойдем открыто, они и нас прицелкают, как уток на охоте».

Это понимают и все бойцы группы. Но с ними начальство. И ему нужен результат. Поэтому генералы так и сыплют предложениями:

– Ребята! Ребята! Давайте попробуем. Давайте выдвинемся!

Молодой офицер Геннадий Сергеев откликается первым:

– Дайте нам хотя бы «коробочки!» Мы согласны, на них продвинуться туда можно. А так идти голопузыми вперед просто глупо. Перестреляют!

Барсуков связывается по рации с министром внутренних дел Ериным. И минут через двадцать зазвенели по асфальту траками, лихо подкатили четыре боевых машины. За рычагами молоденькие тонкошеие пацаны, лихие губастые десантники в танковых шлемах с запыленными, усталыми лицами.

– Ну, ребята! Кто попытает счастья? – обратился к спецназовцам сам Барсуков.

Вместе с Сергеевым набралось восемь человек.

На место пацанов садятся опытные, закованные, как рыцари, в броню спецназовцы. Протискиваются в люки. Хватают рычаги управления. Дернули. И пошли, двинулись колонной к горящему, обгрызанному снарядами и пулями «торту».

Капитан Казаков молча сидит в бронированном чреве БМД. Слушает, как пули изредка щелкают по стали и с гулом рикошетят в воздух. В эти минуты он думает о том, какая такая сила роковая влечет его туда, где стреляют и кипят страсти. Вспоминает, как его когда-то на заре прихода в комитет проверяли на различных тестах. И врач-психолог сказала ему, что он авантюрист по натуре.

«Наверное, так оно и есть. Ну, чего меня понесло сейчас в пекло, под пули?»

БМД резко тормозит. Вся бронированная масса корпуса уходит вперед, а гусеницы встают как вкопанные. Он громко стучается головой в каске-сфере о броню. И осторожно выглядывает наружу через башенный лючок. Оказывается, передняя машина остановилась на улице у лежащего на асфальте тяжело раненного десантника...

В ней открывается задний люк. И оттуда вылезает высокая фигура в шлеме и бронежилете.

«Это же Сергеев Гена! Что он делает? – с тревогой думает Анатолий. – Здесь же все на хрен простреливается снайперами!»

Геннадий подходит к поверженному, истекающему кровью человеку. Чуть поворачивает голову, словно оглядываясь. Наклоняется над раненым, чтобы взять его на руки. И... пуля снайпера бьет его прямо в не прикрытую бронежилетом поясницу. Он, как стоит, сразу рушится на раненого...

– С-с-сука! – как от боли, будто его самого смертельно укусила стальная оса, кричит Казаков. И в бессильной ярости бьет кулаком о броню.

Сделать ничего невозможно.

Сидящий на месте водителя старший лейтенант Кротов дергает рычаги, и их «коробочка», вздыбившись, как конь, с места подскакивает к упавшим.

Они ставят боевые машины рядом так, чтобы под их прикрытием можно было затащить раненых внутрь.

Через некоторое время это удастся. Раненый молодой, безусый, смертельно бледный десантник еще подает признаки жизни. А вот их товарищ – нет.

Анатолий знает этот подлый трюк. Снайпер мог запросто добить раненого, но он специально оставил его живым, чтобы стоны и крики привлекли к нему других. Расчет на то, что бойцы не бросят своего. Придут на помощь.

Так оно и получилось. Генка попытался и попал под пулю.

– Подонок! Сволочь! Мразь! Ублюдок! – ругается по рации старший лейтенант Кротов, докладывая обстоятельства гибели товарища. И, «пришпоривая» своего боевого коня, выводит их из зоны поражения туда, где ждут санитары...

* * *

По одному, короткими перебежками они движутся вдоль паркового забора. И скапливаются перед Горбатым мостом у памятника восстанию 1905 года. Отсюда, вблизи, мостик выглядит как-то странно и дико. Речку, над которой он когда-то располагался, давным-давно пустили по какому-то совсем другому руслу. А сам мостик оставили в виде достопримечательности. Так что старинные чугунные фонари, цепи и черная, как бы чешуйчатая, брусчатка над асфальтом составляют полный контраст с окружающим миром.

Впрочем, спецназовцы в бронежилетах, сферических касках, наколенниках и прочей амуниции, похожие на средневековых ландскнехтов, тоже не слишком вписываются в общий пейзаж.

«Не слишком складно!» – думает Казаков, разглядывая их штурмовую группу и ожидая обещанного прекращения огня.

Через несколько минут стрельба по горящему зданию, похожему на разбитое осиное гнездо с выбитыми окнами-сотами, прекращается. Кто-то трогает Анатолия сзади за плечо и произносит просто:

– Ну, теперь пошли!

И перебежками, стараясь не попасть под обстрел, они движутся к ближайшему от Горбатого моста подъезду.

Вместе с первой группой бегут и гражданские. Какой-то парень в модной светло-коричневой тужурке и длинный, здоровый мужик в плаще. Похоже, это люди из федеральной охраны.

Вбегают в пустой подъезд. Видно, защитники парламента после «санобработки» танками и крупнокалиберными пулеметами ушли от греха подальше внутрь здания. Кто-то кричит оставшимся у мостика:

– Тут никого нет!

Через пространство тянутся и остальные.

А «передовики» движутся дальше.

На первом этаже стоит невыносимая вонь.

«Смесь сортира с лазаретом! – замечает про себя капитан. – Похоже, правду говорят, что тут отключили канализацию, воду и свет. А мусора сколько! Кругом какие-то бинты, вата, жратва, коробки, матрасы, пачки от сигарет... Одно слово – помойка...»

Они осматриваются. Шуршат по этажу. И снова вперед. Вперед.

Следующий этаж. Тоже никого. Но вдруг кто-то из-под лестницы по коридору хлещет очередью из автомата. Пули проходят мимо. Впиваются в стену. Анатолий машинально, автоматически стреляет вперед и рывком проскакивает опасное место. Но преследовать стрелявшего и убежавшего им ни к чему.

Теперь они двигаются осторожно, потихоньку, оглядываясь по сторонам и выверяя каждый шаг.

На третьем этаже – неожиданность. Кто-то с улицы лупит по стеклам из крупнокалиберного пулемета. Пули вгрызаются в стенку коридора, поднимая цементную пыль. Они падают на пол. Отползают, хватая воздух раскрытыми ртами.

Наконец, из-под подоконника полковник Грачихин связывается по рации со штабом, теми, кто остался внизу на улице:

– Мать вашу, кто стреляет? Мы на этаже!

– Да это, похоже, новенькие подъехали! – оправдывается штаб. – Сейчас угомоним.

Через несколько минут стрельба прекращается.

«Ну, слава богу! – думает капитан, отряхивая цементно-известковую пыль с амуниции. – Стихло! Кажется, стихло. Очень трудно остановить людей, которые уже привыкли азартно палить во все, что движется. Может, завтра они и пожалеют о том, что делали. Но сегодня...»

По коридору пятого, штабного этажа они скользят беззвучно, подобно теням. Наконец натываются на закрытую наглухо дверь. Прислушиваются. Подходят еще несколько бойцов.

– Кажется, там люди! – замечает кто-то.

Их учили при штурме здания надо сначала бросить в помещение гранату, а уже потом врываться внутрь. Молодой боец поднимает забрало каски:

– Я сейчас рвану дверь. И брошу туда гранату!

У Казакова шальные мысли: «Ни в коем случае! А если там сидят машинистки, секретари, стенографистки, уборщицы. Да кто угодно!»

– Стой! – и он хватается за руку бойца, уже готового выдернуть чеку:

– Ты что, с ума сошел?

Подходит начальник охраны президента Коржаков, а с ним тот самый, одетый в гражданскую куртку, парень. Зычно кричат:

– Кто внутри?

Оттуда слышен дрожащий от волнения голос:

– Мы депутаты Верховного совета. С нами женщины и сотрудники!

– Выходите! Мы ничего вам не сделаем!

За дверью тишина. Затем какой-то говор.

Приоткрывается щель. Оттуда выглядывает чья-то испуганная, озирающаяся физиономия. И дверь распахивается полностью.

Казаков заглядывает внутрь помещения. Там темно и тихо. Окна зашторены для светомаскировки.

Спецназовцы подтягиваются к двери и словно бы образуют своеобразный контрольно-пропускной пункт. Ждут наготове.

Через минуту выходит первый человек. Да не кто-нибудь, а знакомый всем по телевизору известный коммунист Иван Полозков.

Но им некогда разглядывать знатного коммуниста. Надо быстро прохлопать его по карманам. Проверить документы. И отвести в сторону.

Коржаков лично проверяет удостоверения, отбирает их и бросает в спортивную сумку.

* * *

Здание парламента огромно. И у каждого входа идет свой спектакль. Своя постановка. Своя драма. Ближе к вечеру, когда погас пожар и закончилась стрельба, начался последний акт.

Со стороны парадного подъезда собралась гигантская толпа, условно говоря, сторонников президента. Разномастный, пестрый народ глухо гудит и жаждет расправы. И, конечно, реагирует на все происходящее, как в детской игре. Помните: море волнуется – раз! Море волнуется – два! Но это внизу. На улице.

Внутри здания, в парадном подъезде, собираются депутаты, помощники, защитники. Они капитулировали. И теперь ждут своей участи.

Между двумя этими стихиями, на самом верху лестницы, стоит безымянный младший сержант милиции. Без бронежилета, в камуфлированном ватнике и с планшеткой на боку. Сержант – совсем молодой парень. У него круглое, доброе усатое лицо. Но сейчас он – единственная власть на этом пространстве нейтральной полосы. И толпа беспрекословно слушает его. Пока!

– Ребята из группы спецназа! – кричит младший сержант в сторону проталкивающихся вперед, раздвигая толпу, бойцов.

– Поднимайтесь сюда!

Они медленно отделяются от возбужденной толпы. И идут вверх по широким мраморным ступеням. Как же тяжелы эти шаги! Офицеры знают, что кругом полно тех, кто готов выстрелить им в спину.

Их учили штурмовать, стрелять, убивать. Но никогда не было задачи – развести враждующих, спасти от расправы проигравших. И, может быть, таким образом предотвратить братоубийственную гражданскую войну, которая уже маячит впереди, если события пойдут по негативному сценарию.

Сейчас этот одинокий младший сержант и есть та единственная сила, которая противостоит безумию. И они присоединяются к нему.

Николай Денисов, Иван Воронцов, Петр Темсаев, Владимир Сергеев, полковник Проценко – Анатолий понимает: выйдя на площадку перед Белым домом, они взяли на себя всю ответственность за ход событий. Их долг сегодня – не выполнять безумные приказы, а просто предотвратить дальнейшее кровопролитие. Трудная задача.

Они освобождаются от оружия. И проходят парламентарями в подъезд.

На пороге спецназовцев встречает бравый мужичок в берете морского пехотинца и с армейским автоматом в руках. Он ведет ребят дальше по лестнице. В зал заседаний.

Тут полно народа. Все смешались. И все хотят жить. На вошедших смотрят сотни глаз, в которых застыли страх и надежда.

Вперед выдвигается Владимир Сергеев:

– Дорогие отцы и матери! Я из группы спецназа! Мы получили приказ штурмовать Белый дом. Но мы пришли к вам безоружными. Мы не хотим причинить вам зло и смерть. Вы, находящиеся сейчас в зале, обречены. Нам дан приказ вас уничтожить. Но мы не будем этого делать. Нас снова хотят подставить. Я брал дворец Амина в Кабуле, брал Вильнюсскую телебашню, был в Карабахе и Тбилиси. И везде нас подставляли. Сейчас мы не хотим брать грех на душу, а хотим вас вывести живыми. Мы сделаем коридор, и вы проходите по нему наружу в безопасности. Если кто-то попытается в вас выстрелить, мы подавим их огнем. Вам подадут автобусы. И развезут по домам. Слово офицера!

Что тут началось! Народ, доселе молчавший, зашумел, заговорил, задвигался. На сцену выскочил один из депутатов. Военный. Стал кричать:

– Вы честно выполнили свой долг! И теперь с чистой совестью можете покинуть это здание!

Рядом с ним встал гражданский. И продолжил:

– У нас есть два выхода. Мы можем остаться здесь. И, по существу, покончить жизнь самоубийством. Или же выйти наружу. И продолжить борьбу!

После этих слов глухой шум в зале перерос в крики:

– Да, надо уходить!

– Пора уходить!

– Чего здесь ждать!

Но в правом углу женщины, стоявшие на баррикадах вокруг Белого дома. У них другое мнение. И они выражают его в особом истерическом крике, обращенном к депутатам:

– Не уходите! Сложите головы здесь! Столько народа из-за вас погибло! Это будет честно!

В зале, как на новгородском вече, начинается разгораться спор, готовый перейти в рукопашную.

В этот момент мимо стоящего в проходе капитана Казакова проплывает как тень бледный до зелени Хасбулатов. Он выходит вперед. И как-то так спокойно, заторможенно произносит:

– Мы сейчас уходим из зала. Многие из нас в этом случае останутся живы! Мы должны донести до широкой общественности, что с нами произошло. Переворот совершен полностью. Пролилась большая кровь. Вина за это на Ельцине. И его окружении. Давайте прощаться!

Из рядов депутатов выскакивает депутат Сажу Умалатова. Крепко его обнимает. Начинается исход. Толпа рассыпается. Депутаты тянутся к выходу.

– Идем через первый подъезд! – подает кто-то команду. – На набережную! Там американцы ведут прямую трансляцию по Си-Эн-Эн. И, в случае чего, стрелять по нам на глазах у всего мира они не будут.

Анатолий вместе со своими товарищами двигается с ними. Все спускаются в вестибюль. Ждут чего-то.

Минут через пятнадцать сюда же подходит и генерал Руцкой в сопровождении полковника Проценко из спецназа.

Все и с той, и с другой стороны здесь свои. Все друг друга знают.

Наверное, поэтому вышедший бывший вице-президент каждую минуту с надеждой спрашивает окружающих-сопровождающих:

– Вы в турецкое посольство нас отвезете? Вы везете нас в турецкое посольство? Нет?

Да, это уже совсем не тот Руцкой, который вызывал самолеты.

В эти секунды роковые в вестибюль заскакивает начальник охраны президента. Лицо злое, жесткое, ненавидящее. Желваки играют на щеках.

Плотная человеческая масса в вестибюле стоит тихо, не шевелясь. Лица у всех какие-то посеревшие, глаза направлены вниз. Страх их понятен. Вдруг это западня?

Коржаков подходит к толпе и командует жестко:

– Хасбулатов, Руцкой – на выход!

В ответ ему молчание и тишина.

Проходит несколько секунд. Толпа расступается. И выпускает из своих недр. Двоих.

Хасбулатов – истощенный борьбой, с бледно-болотным цветом лица. Руцкой – подавленный, но не утративший офицерской выправки.

– И этого заберите, – указывает Коржаков на Макашова, упершегося в него ненавидящим взглядом из-под берета.

Ждут несколько минут вещи.

Руцкой и Хасбулатов наконец двигаются по коридору, созданному бойцами спецназа. Идут к автобусу со шторками, подогнанному к самому входу в Белый дом.

Капитан Казаков, стоящий в этом оцеплении, молча кидает последний взгляд на парламент. И неожиданно, словно прозревая, видит, что нижняя часть здания вовсе не белая, а облицована красным, играющим всеми оттенками в закатных лучах осеннего солнца мрамором: «Будто знали, что здесь будет», – отстраненно думает капитан о строителях этого дома.

III

«Какая в Москве всегда поганая зима!» – думает Александр Дубравин, выскакивая из теплых бежевых «Жигулей» на промозглый ветер. И шлепая модными черными ботинками на тонкой подошве по мокрому, быстро превращающемуся в грязную, пропитанную химикатами жижу снегу: «А ведь так было не всегда. Раньше же как-то обходились без химии. Чистили снег лопатами, метлами. А теперь, видно, обленились. Вроде почти центр города, а припарковаться из-за сугробов невозможно. И это только начало. Ноябрь. Что-то еще будет!»

Он спешит в издательство, но вдруг на полпути останавливается. И оглядывается вокруг. Первый пушистый снег как-то преобразил город. Принакрыл голые ветки деревьев, лег сиденьем-покрывалом на скамейки в скверике напротив. Можно сказать, осветлил столицу, дал возможность глазам уловить по-новому размытые контуры зданий и улиц. Слегка приукрасил постреволюционную жизнь.

Рассеянный взгляд Дубравина упирается в парадный подъезд с заснеженными контурами советских орденов. И натывается на зеленый, грязный грузовой УАЗ армейского образца, стоящий прямо напротив дверей: «Черт его сюда занес! Вроде октябрьские события прошли, особо нас не задев. Мы ни на чью сторону не вставали. Это они там, наверху, делили власть. А мы работали. Нам не до политики. Так чего же армейцы сюда приехали?» – спрашивает он сам себя, обходя грузовик сзади. И проходит к двери. Тут натывается на заросшего бородою до самых глаз, одетого по-деревенски в шубу до пят и в меховую шапку с ушами мужика. Тот радостно расплывается в искренней зубастой улыбке и тянет к нему длинные руки в рукавицах.

Дубравин секунду приглядывается. И наконец узнает:

– Онегин! Ты откуда здесь? Сукин сын! А мы тебя давно уже списали со счета. Думали, взял деньги и слинял!

– А я вот он, милостивцы! Приехал. Мяса вам привез парного. Да вот не знаю, куда ткнуться. Стою тут. Жду! – радостно, хлопотливо откликается, пожимая руку, «борода». – Рад, рад видеть вас в добром здравии, отцы мои!

– Ты машину отгони туда, в сторону, к воротам. И пошли со мною к Протасову. То-то он рад будет.

По дороге к Протасову, еле поспевая в своей шубе за быстроногим Дубравиным, Онегин все приговаривает на ходу:

– Гостинцы вам. Три бычка в тушках. Гречневую да ячневую крупу – пять мешков. Смётанки – два ведра. И еще кое-что. Спаси господь, еле добрался до вас, милостивцев моих, через всю Москву. Страсть-то какая...

Протасова пока нет на работе. И Дубравин затаскивает фермера к себе в кабинет. Сам кипятит чай. Угощает.

Онегин, аккуратно надкусывая сливочное печенье и прихлебывая горячий чай из блюдца, продолжает неторопливо свой рассказ о сельском житье-бытье.

– На деньги, что у вас взял, я сразу укупил состав соляры. И сбыл уже по двойной цене. Можно сказать, удвоил, обернул капитал. А потом уже начал строить коровник...

Дубравин в это время вспоминает первое появление Онегина у них в редакции. Привел его корреспондент Сашка Киселев. Тонкий, звонкий и прозрачный паренек с чистыми, как слеза, голубыми глазами. Он и сам с чудинкой. Ликом – ангел. Душою – ребенок. Ну и, соответственно, в своих материалах описывает таких же людей. Однажды опубликовал материал о ходящих по Руси странниках.

Оказывается, есть в стране такие божьи люди. Странники-богомольцы. Ходят они от монастыря к монастырю. Живут в обителях. Молятся. Трудятся. Ищут святости или тихого жития.

Ну, а потом, после выхода заметки, пригласил этого чудака к ним на этаж. Познакомил его с Дубравиным. А странник этот возьми да и Расскажи тому о своей заветной мечте. Осесть на своей земле. И начать хозяйствовать. То есть, как сейчас говорят, податься в фермеры.

Дубравин отвел его к Протасову. Покумекали они. Все равно сейчас такая инфляция, что деньги обесцениваются мгновенно. И Протасов решил: дадим Онегину кредит. Пусть попробует. Похозяйствует.

Дубравин поехал в банк вместе со странником. Получил там увесистую сумму «налика». И под честное слово и расписку передал их Онегину. Онегин поблагодарил его, перегрузил деньги в рюкзак. И растворился в столичной подземке.

Время шло. От «святого человека» через корреспондента Сашку изредка поступали утешительные вести. А потом Киселев уволился из молодежи. И подался в Африку. Заниматься бизнесом. Стал торговать в этой чудной земле шляпами и галошами. С полгода назад он приезжал оттуда на родину предков. Рассказывал:

– Все идет отлично! У нас в Гвинее богатство и крутость чувака измеряются двумя вещами – блестящими черными резиновыми галошами и наличием шляпы. Так что я со своими товарами попал в точку. Живу на вилле. С прислугой. Женщины там – красавицы. И у них переспать с белым человеком считается за большую честь...

Сашка отбыл в колыбель человечества. А след Онегина окончательно затерялся где-то в лесах.

И вот на тебе. Приехал. С первым снегом и подарками.

– Что пришел, еще денег просить? – с ходу в упор наезжает на фермера-странника Протасов, появившийся у себя в кабинете, где они его уже ждут.

– Нет! Отцы мои! – гордо отвечает, смахивая с бороды крошки, Онегин. – Начинаю рассчитывать с моими милостивцами. Вон у ворот грузовик мой стоит. Загружен продуктами сполна.

– Значит, получилось? – обрадовался и удивился Протасов. – А мы уже махнули рукой на тебя. Тогда давай выгружайся. Народ наш оголодал. Будет ему поддержка.

Они остаются в кабинете. Поговорить. А Дубравин идет в хозяйственную службу. Сообщить о поступлении продуктов. Дать команду на выгрузку.

Когда он возвращается, Онегин, раскрасневшийся и вспотевший от восьми чашек горячего чая, зовет их «в гости».

– А что, приедем! – говорит Протасов. – Заодно проинспектируем, как ты распорядился деньгами. По-хозяйски ли? Правду ли рассказываешь? Или небылицы сочиняешь?

А потом через минуту-другую, когда Онегин уходит, добавляет:

– Надо собрать всех наших. Я давно хочу провести совещание по обстановке в редакции где-нибудь подальше от этих стен, из которых везде торчат уши.

* * *

Чем дальше в лес, тем больше дров. Густые, темные, хвойные леса обступили дорогу. Глухомань-селивань.

Кортежем, кавалькадою, цугом – назовите это как вам нравится, тянутся они на своих «жигулях» и подержанных иномарках по заснеженной трассе в глубь Ярославской области.

Мороз-воевода выводит ледяной узор на боковом стекле дубравинских «жигулей». Мерно и беззвучно приземляются снежинки на лобовое стекло и капот. Проплывают по бокам от дороги приземистые, врытые в снег по пояс избушки русских деревенек. На улицах пусто. Мёрзло. Грустно.

Идущий впереди подержанный, старенький «БМВ» Протасова останавливается у ворот одной из изб. Тормозит и вся колонна. Народ собирается. Совещаться.

– Кажется, здесь нас должен ждать трактор! – говорит, оглядываясь вокруг, Андрей Паратов. – И обращается к выглянувшему за калитку местному жителю: – Дедуля! Это Степаньково?

– Чаго? – протяжно спрашивает небритый, с седой щетиной абориген, приподнимая ухо у потрепанной шапки-ушанки.

– Я говорю, это Степаньково? – кричит ему на ухо подошедший Паратов.

– Оно, оно самое, сынки! – отвечает, кивая головою и шевеля белыми заиндеветыми бровями, старик. – Вы кого ищите-то?

– Трактор должен прийти за нами! Ждать здесь! Был?

– А, Микита, Микита! Он ждал. Но отъехал. Скоро будет. А вы куда собрались?

– Нам к Онегину! – вступает в разговор Дубравин. – Слышали о таком?

– Как не слышать, – осторожно отвечает дед. – Вы что, комиссия какая? Так туды вам не проехать! Болота там. Топи. Сплошные топи.

– Так потому и трактор ждем, – говорит Дубравин. – У вас тут можно машины оставить? Под охраною, чтоб вы приглядели! Мы заплатим.

– Та оставляйте! Тут никого неделями не бывает. За деревней дорога совсем кончается. Тупик, – дед запахивает замусоленный солдатский бушлат и принимается открывать подпертые снегом ворота. – Заезжайте. Пара машин зайдет! Ну, а эти две оставьте на улице. Никто не тронет. Нет тут никого. Не бывает. Наша деревня крайняя перед лесом. А Онегин там живет. За лесом. Километров десять. – Он машет рукой куда-то вдаль, где темнеет за околицей хвойный часток.

Через полчаса в лесу раздается треск и грохот тракторного двигателя. Еще минут через пять оттуда вылезает потрепанный «Беларусь» с прицепленными сзади огромными, сбитыми, можно сказать, из бревен санями.

Чумазий, в лыжной шапочке и фуфайке тракторист лихо разворачивается с санями на узком пространстве у дома. И выскакивает из кабины трактора, чтобы «поручкаться» с важными московскими гостями.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – приговаривает он, протягивая жесткую, каменную от мозолей, огромную, как лопата, ладонь. Лицо у него доброе, но с огромным вислым красным носом.

И вообще у Дубравина остается впечатление, что у него все, выступающее за контуры собственно тела, громадное: руки, ноги, нос, уши...

– Александр! – представляется во время процедуры знакомства Дубравин.

– Василий Иванович! – отвечает чумазий, шмыгая носом, и коротким движением левой руки подтирает под носом рукавом фуфайки.

– Ну что, Василий Иванович! – вступает в свои начальственные права сам Протасов. – Довезешь нас?

– В целости и сохранности! – отвечает тот. И разъясняет диспозицию: – В санях у меня два тюка соломы. Счас я их разложу. А сверху накрою брезентом. А вы наденете тулупы. Расположитесь по-царски.

И действительно, минут через пять сани обретают комфортабельный по здешним меркам вид.

Сам тезка Чапая на несколько минут заскакивает в ворота дедова дома. И выходит оттуда, явно приняв на грудь и что-то нежно и бережно прикрывая полый фуфайки.

«Наверняка самогонкой заправился!» – спокойно думает Дубравин, укладываясь на брезент в громадном тулупе, предоставленном ему трактористом.

Снова трещит мотор. Из трубы «Беларуса» вылетает в мрачное зимнее небо сизая струя дыма. Рывок. И сани шуршат гигантскими полозьями-бревнами по рыхлому снегу.

Тронулись в неизвестное.

На морозе отчетливо пахнет свежеструганым деревом, сеном, соляркой от чадающего двигателя.

И плывет, плывет мимо них дремучий ярославский лес: ели, сосны, березняки.

В тулупе тепло. И Дубравин даже начинает подремывать, размышляя о неустроенности своей жизни. Слюбился он с Галиной. А что дальше? Она молчит. Он молчит. Дома снаружи вроде бы все по-старому. Однако с Татьяной что-то не так. Такое ощущение, что все эти события, перевороты сильно напугали ее, нарушили внутреннее равновесие, и она утратила какую-то волю к жизни. Сидит с утра до вечера у телевизора. Таращится в экран. Смотрит мыльные оперы, сериалы и никуда не двигается. Иногда, правда, заговорит о том, что хотела бы пойти на работу. Он подхватывает: давай помогу устроиться! Но проходит день-другой, и она уже о своем желании не вспоминает. Только кутается в оренбургский пуховый платок и возится на кухне, гремит посудой.

И злится, когда он напоминает ей о разговоре.

А чего бы не пойти – дети в саду, он с утра до ночи в делах. На людях ей было бы веселее. Нет. Видно, появился в ней и живет, грызет ее изнутри страх перед новой жизнью. Боится она ее. И отстает от темпа. Остается на обочине. Не вписывается в перемены!

Невеселые размышления обрываются в то мгновение, когда сани налетают на торчащую из зимника корягу. И пассажиров резко подбрасывает вверх, а потом шлепает на сено.

– Из-за острова на стрежень, на простор седой волны, выплывают расписные Стеньки Разина челны! – негромко, задушевно затягивает с детства знакомый мотив Андрей Паратов.

– На переднем Стенька Разин! – гудит, подхватывает мелодию Юрка Бесконвойный, – Обнявшись сидит с княжной... Свадьбу новую справляет, сам веселый и хмельной!

Андрей распахивает полы своей медвежьей шубы и, хитро подмигивая, кивает в сторону Протасова, сидящего на передке саней, в обнимку со своей гражданской женой.

Трактор идет по зимнику бойко, иногда погружаясь в снег по ступицы колес. В такие моменты, когда в колею появляется вода, становится понятно, что едут они по замерзшему болоту. Но тракториста, наверняка принявшего в деревне на грудь, да еще и прихватившего в дорогу, это явно не беспокоит. Он частенько отклоняется от колеи, смело газует, лихо вписывается в лесные повороты. И, наконец, влетает.

«Беларусь», рычащий на оборотах, сначала неожиданно проседает в полузамерзшую трясины передним маленьким колесом. А потом и большим задним. Тракторист дает обороты. Но машина не выскакивает на поверхность, как он задумал, а, наоборот, зарывается глубже.

Народ горохом ссыпается с розвальней в снег. Юрка Бесконвойный бежит к трактору посмотреть, что да как. Там у них с трактористом начинается бурное выяснение отношений, после которого тот еще несколько раз рвет машину – вперед-назад. Но чем больше он дергает, тем глубже колеса проседают в трясины.

Тут уж весь народ не выдерживает и вступает в их диалог, крича:

– Глуши мотор!

– Утопишь машину!

– Хватит дергать, дурень!

После таких «душевных» увещаний длиннорукий и длинноногий тракторист покидает кабину «Беларуса». Вылезает на свет божий. Начинает ходить по снегу кругами и, крикая, приговаривать:

– Ах ты, господи! Нешто застрял?! Ах ты, мать...

При этом лицо у него этакое фатальное. Ни раскаяния, ни сожаления. Это для столичных пижонов утопление трактора в болоте – событие чрезвычайной важности. Для него это просто жизнь. Какая есть.

Однако народу надо решать, что делать. Зима как-никак. Холодновато становится. Да и вечереть скоро начнет.

– Надо идтить за другим трактором! Гусеничным! Чтоб он меня вытянул! – наконец произносит приговор Василий Иванович.

– А нам что делать? – резко наезжает на него Протасов, с полуоборота заводясь от такой бестолковщины.

– Можете назад по колее. Или вперед до фермы. Здесь недалеко – километра три осталось. По зимнику!

Начали совещаться. Перспектива заплутать в лесу никого особо не вдохновляет. Но и возвращаться несолоно хлебавши тоже не хочется. Поехали, как говорится, по шерсть, а вернулись стрижеными.

Так стоят они минут десять. Пока Протасов, как старый путешественник, не говорит:

– И где наша не пропадала?! Айда к фермеру! Рискнем!

И вот по снегу, будто отступающие французы в 1812-м, они трогаются вперед. Навстречу светлому будущему в лице бывшего странника-богомольца, а ныне передового сельскохозяйственного труженика товарища Онегина. Идут друженько, сплоченной группой, ступая в след и стараясь не сходить с зимника, чтобы ненароком не провалиться в трясины.

Кругом ярославские разбойничьи леса. Тишина. Только слышно изредка постукивание дятла да хруст снега под ногами. Морозец начинает поджимать так, что одетый Андреем Паратовым экзотический охотничий комбинезон, привезенный из Таиланда, лопается сразу во многих местах. Прорезиненный камуфляж не выдерживает эксплуатации на морозе. И через полчаса Андрей идет уже в каких-то экзотических ядовито-зеленых лохмотьях.

Из-за туч пробивается на несколько минут солнце. И вспыхивает на заиндеветых ветках, играет бликами на льду застывшей тракторной колеи.

Ать-два! Ать-два! Анабасис бравого солдата Швейка проходил по теплым краям Чешской республики. А тут российская глубинка. Леса и дорога, петляющая в обход топей и болот. И неизвестно, что ждет тебя за следующим поворотом. Вдруг выйдет навстречу лось? Но в руках у Паратова «вертикалка». А посему улетай с дороги птица, зверь с дороги уходи. Освобождай трассу молодому российскому предпринимательству, что только-только нарождается. Из ничего, из пыли и праха, из винтиков и шпунтиков поднимается в России новая, молодая живая поросль.

Вдруг из-за поворота выезжает кто-то. Иль откуда ни возмись появился... на коне. Они останавливаются. И разглядывают экзотический экипаж – лошадь, запряженную в сани. А в санях мужик.

Все как-то напрягаются. Сбиваются в кучку. Молча ждут, когда подъедет. Разглядывают.

– Да это ж наш Онегин! – наконец различает в деревянных розвальнях знакомое бородатое лицо Дубравин. – Ты откуда?

– А я вижу, вас, милостивцы, чтой-то долгонько нетути. Вот и запряг Гнедка. Дай, думаю, поеду навстречу. Видно, что-то приключилось.

– Приключилось! – отвечает Дубравин. – Трактор в болоте застрял. Василий Иваныч пошел за подмогой. Ну а мы напрямик к тебе, милостивцу, – передразнивает он Онегина.

Народ разглядывает мужика. Делится соображениями. Конь у него гнедой, статный жеребец. Сани новенькие. Шуба знатная, мехом внутрь, крытая сукном. Лицо у фермера круглое, сытое. Борода чесаная.

«Эк, был худющий, когда странствовал по свету, а теперь налился. Разъелся. Одно слово – хозяин. Хозяин земли русской растет, – отчего-то радостно думает о фермере Дубравин. – Справный мужик. Такой потянет!» И тепло Дубравину на душе, что вот и он приложил руку к такому делу. Онегин бодро выскакивает из саней. И, обметая лапами длинной шубы придорожный снег, подходит.

– Гости дорогие, пожалуйста! – широко расставив руки, по-русски обнимает он всех. Ласковый такой, говорливый. И с ходу как-то обихаживает их. Протасова и его Ирину усаживает в саночки. Укрывает шубою. Хлопочет, приговаривает:

– А я все ждал, ждал. Уж, думаю, и сроки прошли. А вас все нет, нет.

Лошадь ёкает, тянет сани по заснеженной дороге. Они трогаются, скользят по рыхлому снегу.

– А трактор мы достанем. Это у нас бывает! Дело житейское.

«Да, здесь другая, отличная от столичной, жизнь! – завидует Онегину Дубравин. – Для нас переход – событие, можно сказать, большое приключение. А для него так, пустячок. Подумаешь, “Беларусь” завяз в трясине».

А впереди уже маячат большие бревенчатые ворота, за которыми на поляне разнообразно и вольготно раскинулось хозяйство новоиспеченного фермера: несколько приземленных деревянных сооружений. Жилой, свежесрубленный, бревенчатый дом с сеновалом и двором. Амбар, мехдвор. Дубравин приглядывается к этому подворью. И чувствует, что нечто подобное он уже где-то видел. Вспоминает. Музей деревянного зодчества под Архангельском. Вся жизнь под одной большой крышей. И двор, и хлев, и сеновал. Все в одном архитектурном ансамбле. Все скрыто от людских глаз, а главное, от снегов.

«Да, как только у человека появляется возможность жить свободно, как он считает нужным, – думает Александр, – так он начинает жить тем единственно возможным способом, каким жили на этой земле наши предки, отцы и деды».

Деревянные ворота распахивает широкоплечий, бровастый, востроглазый охранник. И они весело, «всем гамузом» вкатывают во широкий двор. Можно сказать, инспекция начинается.

В доме Онегин тоже вернул старину. Посреди главной комнаты стоит огромная теплая русская печь. Под потолком набиты, навешены деревянные полати. Вдоль стен стоят длинные, голые, ничем не покрытые деревянные лавки. В общем, никакой обстановки в нашем привычном понимании этого слова.

Есть, правда, в отдельной комнате и железная кровать, накрытая каким-то цветастым лоскутным одеялом. В углах везде висят иконы с суровыми ликами. Но каждому вошедшему сюда сразу понятно: это обитель холостяка. Одинокого, бессемейного человека.

Расселись наши семеро по лавкам. Чего-то ждут. А Онегин вместо того, чтобы накормить, напоить людей, заводит длинный, неспешный разговор о хозяйстве:

– Выращиваю бычков. Мясо отдаю перекупщику. А надо бы иметь свое место на рынке...

Протасов невозмутимо спрашивает фермера, видно, чтобы не молчать:

– Дорогу тебе надо сделать. Тогда легче будет сбывать товар!

– И-и, милостивцы мои, какую дорогу? Сделаешь дорогу – сразу из района налетят начальники. Мяса дай, сметаны дай, сена привези. Как вороны налетят. И начнут все растаскивать. А попробуй не дать – кранты! Затаскают. Не отобьешься от них, хищников!

– Так уж и не отобьешься! – бурчит Протасов. – Ты вон какой хитрый. А чего ж бабуга не завел? Она бы тебе помогала!

– Правда ваша. Да, надо бы! Но бабы нынче балованные, – со вздохом отвечает бывший странник, оглаживая подол длинной русской рубахи.

– Не каждая сюда поедет. Вы бы пособили, отцы... поискали бы, – высказывает он свое пожелание.

Дубравин прыскает в кулак, представляя какую-нибудь столичную щучку здесь, на краю света, в лаптях и с вилами в руках.

Наконец тот же самый небритый охранник, Митяй, приносит откуда-то неприлично закопченный чугунок с похлебкой. Все оживляются. Радуются горячей пище. Но когда Дубра-

вин пробует на вкус отшельнический шулюм, то понимает: готовить его здесь не умеют. Только зря продукты переводят. Но делать нечего. Все хлебают, что подали.

Онегин, однако, есть с ними не садится. И водки у него, «старообрядца чёртова», нету. «С нами, нехристями, ему жрать, наверное, несподручно! – неприязненно думает Александр, с трудом глотая невкусное варево. – А мы-то ехали, думали, небось Онегин угостит жареным свиным мясом. То-то бороденку свою теребит. В доме ни телевизора, ни радио, ни уюта».

Онегин, мысль которого скачет с предмета на предмет, так, к слову, хвастается своим, как ему кажется, верным слугой:

– Сурьезный мужик он, Митяй-то. Мои тут мужички-рабочники как-то напились и забунтовали. Стали выступать. Ты, мол, кулак, мироед. Мы с тобой сейчас по-свойски поговорим. Так он, Митяй, меня оборонил. Как схватил одного за микитки. Да как шваркнул его о землю. Тут-то они его и зауважали. Сурьезный он, Митяй, мужик. Крепкий!

«Только вот кухарка из него никакая», – думает Дубравин.

Гости уважительно глядят на молчаливого охранника, а фермер уже приглашает идти смотреть хозяйство.

Но народу совсем не хочется вылезать на мороз из теплой избы. А посему собираются за Онегиным только двое. Протасов и Дубравин.

На улице холодно. Зимнее солнышко уже закатилось за лесом. Тени растягиваются, тянутся к приземистым постройкам, к окружающим лесной хутор деревьям.

Дубравин бредет следом за фермером и Протасовым в крытый скотный двор, где мирно стоят, пережевывая жухлое сено, крепкие, коричневато-красные бычки. В ноздри ему бьет ядрёный навозный дух. Сразу вспоминаются свое село, детство. Как пас телят, кормил скотину, таская на пузе корзины с силосом, убирая навоз. Эх, где вы, годы безвозвратные?! Он даже слегка взгрустнул. Но, когда вышли из духоты на чистый воздух, вздохнул с облегчением.

Потом прошлись по мехдвору. Заглянули в кладовые...

– Богатое хозяйство, – чешет затылок Протасов. – Но мы с тобою потом поговорим. Надо мне с народом пообщаться.

Вернулись в избу, где оставшиеся развлекаются, как могут. Играют в дурака.

Тут же, за обеденным столом, Владимир и излагает то, зачем, собственно говоря, и потянул он своих соратников в глубь ярославских лесов.

– Я написал Владику Хромцову письмо, – нервничая и сбиваясь, начал он. – Сообщил, что я выставляю свою кандидатуру на выборах в главные редактора. Почему я хочу стать главным? Потому, что мы корячимся, работаем, строим издательский дом, развиваем региональную сеть. Бьемся насмерть за бумагу, цену за печать. Боремся за выживание газеты. Открываем новые проекты, а в редакции в это время все по старинке. Ничего не происходит...

– Тишь, гладь и божья благодать, – замечает Володя Слонов.

И все, дружно соглашаясь, кивают головами.

– Никто особо не зарабатывается, – продолжает свою «филиппику» Протасов. – Продают тот капитал, который был наработан предыдущими поколениями журналистов. Если не сумеем перестроить газету, то никакие наши потуги на то, чтобы быть изданием номер один на постсоветском пространстве, ни к чему не приведут. А Хромцов то ли устал, то ли сдулся. Сидит тихо. Никаких идей не генерирует. Ничего-то ему вроде как и не надо. Разве это позиция главного редактора? Об этом я ему и написал! Газету надо перевести из большого формата в меньший. Потому, что в наши времена большинство людей читают не дома, лежа на диване, а где придется. В автобусе, в метро, на работе...

Дубравин внимательно слушает Протасова и вспоминает:

«Действительно, Хромцов даже на семинаре регионалов, куда он приезжал недавно, активности не проявил. Заперся у себя в номере. И сидел там, бухал. За все время только раз спустился в бар...»

– Я уважаю Хромцова как человека, – продолжает Владимир. – Но дальше так продолжаться не может...

– Володь! Мы все давно понимаем, – замечает Андрей Паратов, – но есть одна проблема. Она в том, что народ нас боится. Поговаривают, придут к власти коммерсанты...

– Да, хватит одно и то же долдонить! Я думаю, они уже привыкли! – Протасов вспыхнул и переходит на крик.

«Да, Володя, бесспорно, выдающийся человек, – думает Дубравин. – Но его вспыльчивость, резкость в оценках, колючесть могут выйти ему боком. И не только ему, но и всем нам». Задумчивый разговор не получается.

Протасов, изложив свою позицию, посчитал дело сделанным. Но все прибывшие с ним вместе не получили главного – подтверждения его лояльности к их группе. Обещаний на будущее.

Он был уже далеко от них. Там, в мечтах.

А они думают о своем. При главном редакторе Протасове их будущее кажется им весьма туманным.

Впервые за эти годы команда начинает сомневаться в своем лидере.

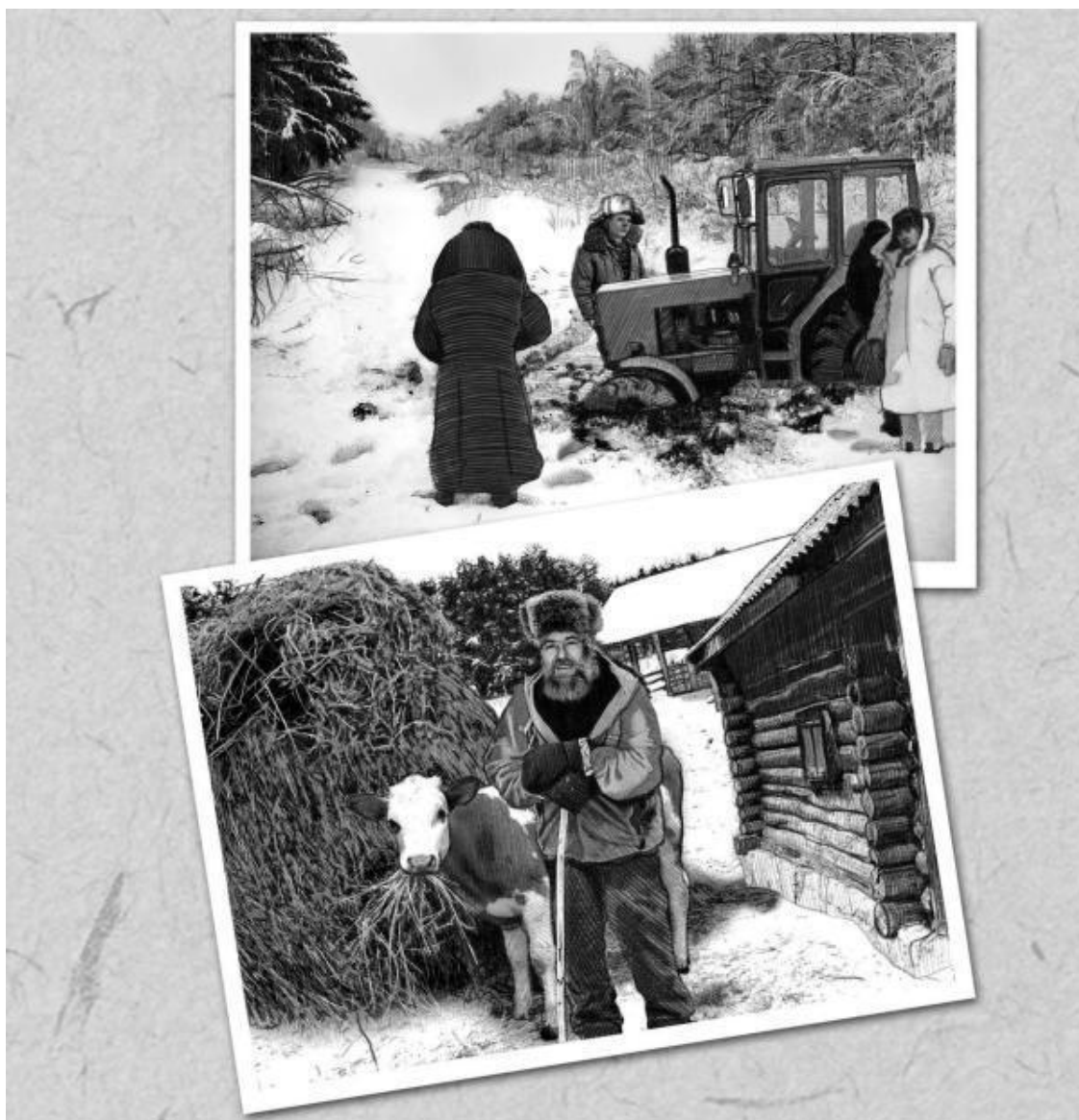
* * *

Спать разместились на полатах. Улеглись рядком.

Дубравин долго не может уснуть, разглядывая дощатый потолок. Потом все как-то плывет, качается. И вот он уже в санях. Потом они переворачиваются. Он тонет, захлебывается в болотной жиже. На берегу фермер Онегин. Ласковый такой, все подступает к нему. С ножом в руке. И так ласково протягивает на ноже кусок жареного мяса. И вдруг фермер превращается в Протасова. И что-то кричит ему, протягивая вперед окровавленные руки. Он прислушивается. Пытается понять, но смысл уплывает, уходит...

Дубравин просыпается от боли в желудке. «Чертов охранник с его похлебкой!» – тошно думает он. От нестерпимой, все растущей боли он весь сгибается калачиком и, прижав ладони рук к животу, долго-долго лежит в темноте, стараясь не застонать и не разбудить спящих.

Тишина в избе только изредка нарушается шорохом крадущихся мышей.

IV

Слухи. Слухи. Слухи. Сплетни. Интриги. Разговоры. О тех, кто находится на самой вершине власти, говорят все. Начиная с тех, кто рядом с ними, и заканчивая теми, кто живет в самом низу – у подножия социальной пирамиды. Амантай не исключение. Он уже как-то привык к тому, что о нем говорят. И чаще всего такое, о чем он сам и не подозревает. Ему приписываются неведомые слова. Дерзкие замыслы, взятые неизвестно откуда. И поступки, о которых он и не знает. Слухи циркулируют по этажам Дома правительства, где он обитает, с завидным постоянством. Они возникают, словно ниоткуда, и уходят, будто в никуда. Они рождаются из неосторожно брошенного слова, намека, шепота. И тот, кто живет в этих коридорах власти, должен постоянно сканировать их, чтобы понимать и быть в курсе того, откуда и куда сейчас дует ветер.

Он министр. Член правительства. Но должен постоянно быть начеку.

Уже заканчиваются времена, когда людей оценивали по их делам. Амантай кожей чувствует приближение новых веяний. И эти веяния таковы, что важнейшим условием успеха нынче становится близость к нему. К главному в стране. Телу хозяина. А его нынешний начальник – премьер-министр – человек, безусловно, опередивший свое время и сумевший в кратчайшие сроки почти безболезненно провести реформы, словно не слышит поступи времени. Он все продолжает гнуть свою линию. И Амантай понимает, к чему это может привести.

Сегодня после обеда к нему накоротке заскочил родственник президента Рахат Кулиев. Слегка выпили, и Рахат высказался:

– Хозяин твоего шефа поднял. Можно сказать, возвысил. Дал все. А он? Поехал в Штаты и давай там выступать! Чуть ли не как преемник самого «папы». Подумаешь, реформатор года!

Амантай смотрит на красивое, круглое лицо Рахата и думает отвлеченно:

«Странное дело. У простых людей более ярко выражены национальные черты. Но чем выше люди стоят на социальной лестнице, тем меньше в их лицах черт, присущих тому или иному народу. Вот взять, к примеру, его и сравнить с каким-нибудь пастухом. И окажется, несомненно, Рахат больше похож на европейца, чем на своего степного сородича. В чем здесь хитрость? Может, люди у власти все как-то однообразно меняются. А может, те, кто на вершине, уже изначально похожи друг на друга?» Но он прерывает свои размышления, так как слышит в рассказе приятеля новую интонацию.

– И зачем твой начальник Кажегельдин решил тягаться с американским советником президента?! Господин Гиффен – порядочный человек. Помогает шефу решать сложные международные проблемы, а Акежан как-то пришел к «ноль первому» и заявил: «Гиффен – агент ЦРУ. И заслан сюда к нам, в Казахстан, для экономической разведки и шпионажа». Знаешь, что сказал ему «ноль первый»?

«Даже здесь, у меня в кабинете, в здании правительства республики, родственник президента боится произносить его имя. Постоянно шифруется. Ну и времена!»

Но вслух Амантай просто спрашивает:

– Ну, и что сказал сам?

– А вот что! – торжествуя отвечает Рахат, наливая в прозрачный длинный стеклянный стакан боржоми и выпивая залпом:

– Значит, со мною работает правительство Соединенных Штатов!

– Ловко! – вздыхает Амантай, нажимая кнопку на внутренней стороне стола и вызывая секретаря. – Соня! Принесите еще бутылку воды! – командует он мгновенно появившейся бывшей вице-мисс Алма-Аты.

– Видишь, какие у тебя секретари? – провожая взглядом стройную нарядную фигурку, завистливо говорит Рахат.

– Возьми к себе! – делает широкий жест Амантай. – Дарю!

– Не могу, Дарига заревнует! Будет скандал, – лениво отвечает бывший врач, а теперь высокопоставленный чиновник. И возвращается к теме:

– Так что зря Акежан ввязался в эту борьбу. Да и не только с Гиффеном. Он ведь и с Нурланом Баргимбаевым не ладит. А ведь тот – доверенное лицо «папы». Министр нефти и газа. Тут шутки в сторону. Вот шеф по отношению к нему и переменялся. Недавно он приглашал его в баню. Ну знаешь, как это он любит делать. И хотел, чтобы Акежан подписал «письмо верности».

Амантай уже слышал эту историю. От самого Кажегельдина. Как-то так получилось, что они вроде сошлись характерами. Понравились друг другу. Поэтому премьер изредка позволяет себе откровенные разговоры с товарищем по правительству. От Амантая и узнал, что у хозяина, видно, еще с советских времен осталась манера требовать от своих людей подписания некоего верноподданнического послания, в котором они признают себя вассалами, получившими власть и богатство из его рук, и клянутся служить ему верно и преданно, не покушаясь на его должность и звание.

По мнению Акежана, эта идея созрела у президента еще в то время, когда он на заре своего существования в качестве председателя Совета Министров Казахской ССР сам то ли в порыве искренней преданности, то ли в расчете на ответную благодарность написал Динмухамеду Кунаеву полное сыновней преданности письмо. Там среди прочего были и такие смелые слова: «Я ваш сын!»

Как бы то ни было, но, ясное дело, «ноги» у этой идеи росли из советских времен. Так вот, из рассказа Кажегельдина складывалась следующая история.

Несколько месяцев тому назад «хозяин» пригласил премьера на дружеский ужин в свое личное охотничье хозяйство «Карачингиль». Акежан приехал не чинясь. Построенные в горах несколько новеньких финских домов, недавно собранных из хорошо просушенного и обработанного бруса, впечатлили его. По дороге Кажегельдин разглядывал их. Чистенькие, беленькие двухэтажные домики с деревянными крылечками. Искусственное озеро, вырытое посреди долины. Гаражи для джипов. Вооруженная охрана. Все чин чинарем.

Челядь встретила приветливо. Быстро разместила в одном из таких домиков. В казахских юмористических народных историях есть такой смешной персонаж – Алдар Косе. Похожий на него управляющий, круглый, как колобок, повел Кажегельдина в баньку, где уже собралась теплая компания во главе с хозяином.

В баньке, что стояла прямо на берегу быстрой и прозрачной горной речки, тепло и весело. Вне, так сказать, официальной, политической жизни президент – хороший хозяин, веселый собутыльник, компанейский человек. Умеет пошутить, любит играть на баяне, распевать душевные советские и русские песни. Короче говоря, вовсе не сухарь. Жизнелюб. Так что обстановка здесь была располагающая. И все оживились, когда на пороге сауны нарисовался и премьер в белом халате и белой войлочной банной шапочке с национальным орнаментом.

Народ на полках подвинулся. Дали место Кажегельдину. Лица все знакомые. Из ближайшего круга. Вот Булат Утепуратов, плотный, с усами человек, который может достать для шефа все на свете. За характерный нос ему в этом кругу дали прозвище Утенок. Рядом на полке потеет, пыхтит, трудится Темирхан Досмуханбетов по прозвищу Чубчик. Из старой гвардии здесь и серый кардинал, бывший правоверный коммунист, а ныне первый помощник президента Нуртай Абытаев по прозвищу Молчун.

А вот и гэбист, генерал Нартай Датбаев. Рядом с шефом – Жук (Шабдарпаев).

Чубчик, красный, весь в поту, говорит:

– Ну, что это за баня у финнов? Сидишь тут, как дурак, потеешь. Только время тратишь.

– Может, надо поддать? – спрашивает компанию генерал.

– Жарайда! О, кей! – только и произносит Молчун.

– Пожалуй, надо! – отзывается откуда-то сзади с верхней полки лежащий Хозяин. – Эй, мальчик! – обращается он к председателю Комитета национальной безопасности. – Поддай! Водичкой!

Тот опрометью бросается к двери парной. Через минуту шипит, закипает на камнях чистейшая горная вода. Пар горячей волной ударяет в стороны. Заполняет пространство. Кидается к потолку. А потом начинает медленно оседать вниз, обжигая обнаженные тела.

– Ты, черт! – первым не выдерживает этой жары сам Хозяин. Он сползает сверху вниз. И выходит из парной. Следом тянутся и остальные.

– Делать пар – это искусство! – наставительно говорит «ноль первый», сидя уже за столом в чайной комнате. – Это тебе не просто взять и плеснуть!

«Почти все здесь!» – думает Кажегельдин, молча наблюдая за «старой гвардией». Лица, не особо отмеченные печатью интеллекта. Но зато свои. Проверенные. Некоторые еще со времен Караганды. Вместе они прошли длинный путь борьбы за власть. Теперь могут и расслабиться. Пошалить. Даже дать друг другу прозвища. Говорят, оно есть даже у самого. Его между собой они зовут, кажется, Бабуин.

«Но зачем же все-таки он позвал меня? Не чаи же распивать...»

Выяснилось это гораздо позднее. После того как хорошо поужинали и выпили немало. После того как сам Хозяин взял баян и спел на бис: «Парней так много холостых на улицах Саратова...» Хорошо так спел. Душевно.

Вот тогда-то, отложив баян в сторону, сам и завел разговор, для которого, собственно говоря, и позвал своего премьер-министра-реформатора. И заговорил он не о приватизации, в которой каждый из здесь сидящих хотел урвать кусок пожирнее. И не о внебюджетных счетах за границей, в Лозанне, на которые поступали взятки за передачу лакомых кусков иностранным фирмам. А заговорил он о грядущих выборах, которые могли подвести черту под этим «пиром во время чумы».

– Акежан Магжанович! – напрямую спросил шеф. – Скажи мне такую вещь! Тут ходят слухи, что ты на выборы собрался? Президентом хочешь стать? А? – Бабуин хитро сощурился, заглядывая ему в зрачки своими сделавшимися узкими, как щелочки, острыми глазами. – Почему? Тебе чего-то не хватает?

– Да нет! Ну что вы! – собирая серебряной вилкой с фарфоровой китайской тарелки конскую колбасу чужок, ответил Кажегельдин, опуская упрямую черноволосую голову. – Какой из меня президент? Это все вранье!

Он знал о том, что шеф еще с советских времен придерживается в таких делах средневековых обычаев. Устроить совместные попойки. И, напоив человека до изумления, слушать, что он будет нести, когда водка развяжет ему язык. А потом делать выводы. Так поступали русские цари. Такие застолья делали генсеки. Так учил его выискивать отступников среди своих и Кунаев. Поэтому Кажегельдин заранее был готов к «душевному» разговору. И не ступешался.

– Ну, если вранье, тогда что нам мешает сейчас договориться? – пьяно ухмыльнулся «ноль первый». И сам себе ответил:

– Ничего не мешает!

Откуда-то из-за спины ему протянул синюю папку Чубчик. «Ноль первый» достал листок белой бумаги.

– На вот, подпиши!

– Это что?

– Почитай! И подпиши! – настаивал визави.

– Сейчас?

– Да, сейчас!

Кажегельдин вчитался в письмо и, мягко говоря, по-русски опешил. Это была такая пионерская клятва. Что он такой-то, верноподданный президента получил от него все, что воз-

можно получить: должности, деньги, звания, награды. И поэтому клянется клятвой верности в том, что никогда в жизни он не замыслил такого, чтобы препятствовать президенту в чем бы то ни было. Никогда не будет покушаться на его место. На его должность, на его звание отца нации... И так далее и тому подобное.

Дочитав до конца изобилующее даже орфографическими ошибками такое чудное послание – клятву верности, Кажегельдин отложил листок в сторону и со свойственной ему простотой и ясностью сказал, мотая упрямой головой:

– Нет, я это подписывать не буду! Это какая-то средневековщина. Я что, раб какой-то? – и еще раз, отодвинув листок, добавил:

– Нет, я это подписывать не буду! Тем более под диктовку.

– Тогда сам пиши! – пьяно настаивал шеф.

– И сам не буду! – упрямо качнул вперед голову, словно собираясь бодаться, премьер.

Видимо, Хозяин понял, что проиграл этот раунд. Он выдохнул перегаром. Налил себе в фужер водки:

– Ну, тогда давай выпьем, Акежан! – как-то даже слегка угрожающе произнес он.

– А вот выпить могу! – Кажегельдин встал. Они со звоном чокнулись хрустальными фужерами. Махнули разом. Кажегельдин аккуратно поставил свой бокал на стол. А президент шваркнул свой на пол так, что осколки полетели по углам. И неожиданно резко пошел, покачиваясь, к двери.

Премьер посидел-посидел в опустевшей чайной комнате, слушая, как гудят за дверью голоса. Понял, что спектакль окончен. И стал собираться на выход...

Вот об этой истории с «письмом верности» и напомнил Амантаю зять Хозяина. И это напоминание отзывалось тревогою в сердце молодого министра. Так что, когда Рахат ушел, он крепко задумался о происходящем. Ему уже намекали пару раз о том, что его непосредственный начальник впал в немилость. Намекал старый аппаратный волк – Чубчик. И так укоризненно, понимающе смотрел на Амантая, что тот кожей чувствовал неладное. Ведь в политике прямо, в открытую редко кто решается говорить. Особенно о том, что ему надо сделать свой выбор. С кем он? С премьером-реформатором? Или с ними? С командой Хозяина. Отсюда и выводы будут делаться.

Амантай Турекулович оделся и вышел на улицу. Вдохнул прохладный осенний воздух. Как хорошо здесь, в самом центре Алма-Аты.

За квадратным кубом Дома правительства прекрасный парк. Деревья самые разные. И хвойные, и лиственные. Все посажено с любовью, все дышит красотой и покоем. Умели люди украшать жизнь. Делать комфортной.

Скоро зима. А пока по осенним асфальтированным дорожкам можно гулять без препятствий.

Откуда-то потянул легкий ветерок. С ближайшего дерева веером сорвались вместе с серой стайкой воробьев сухие листочки.

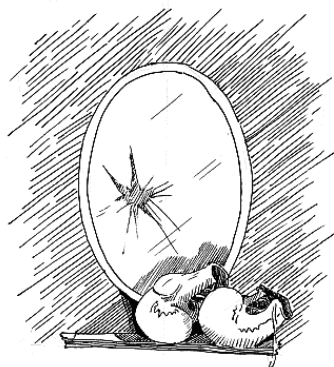
Он прошелся еще немного. Дождался у выхода из зеленой зоны своей машины. Сел в синий БМВ седьмой модели не на заднее сиденье, как обычно, а почему-то вперед. Рядом с верным Ерболом. Охранник снаружи недовольно захлопнул дверь. Ведь это явное нарушение инструкции. Но ничего не сказал. Устроился сзади...

В этот момент, когда автомобиль, оторвавшись от кромки тротуара, резко рванул вверх по улице, он и принял свое судьбоносное решение.

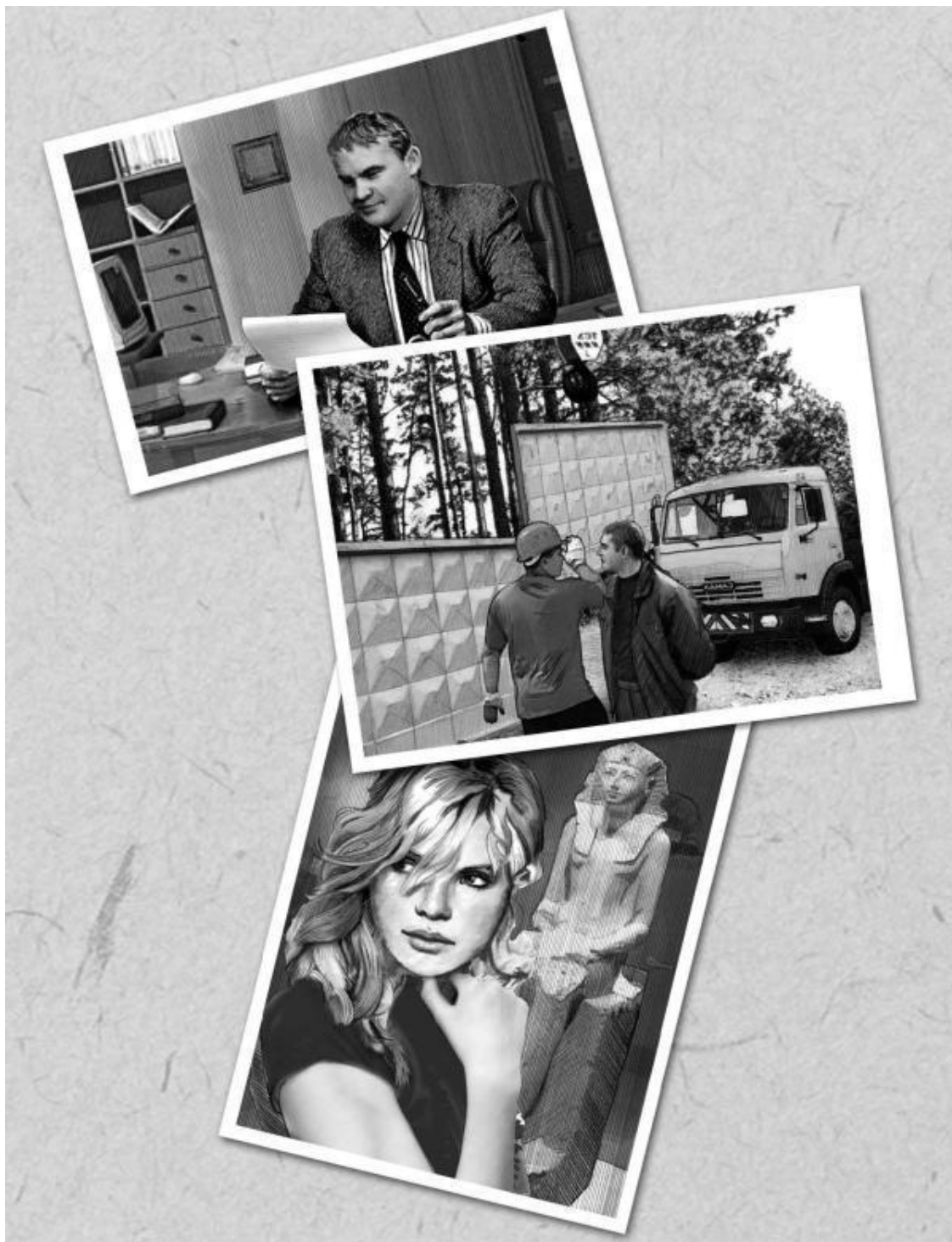

Часть II

Жизнь – борьба

I

Развернулась борьба всех против всех. Богатых – с бедными. Детей – с родителями. Братьев – с сестрами. Революционеров – с реакционерами. Лириков – с физиками. Красных – с белыми. Голубых – с натуралами. Бородатых – с безбородыми. Человека – с природой. Горожан – с деревенщиной. Мужчин – с женщинами. Государства – с народом. Одних народов – с другими. Всё по Марксу: у верблюда два горба, потому что жизнь – борьба. Боролись, не понимая главного – что сражаемся сами с собой.

II

Раннее утро. На этаже фактически никого нет. Поэтому тишина. Дубравин любит приезжать на работу пораньше, чтобы неспешно, спокойно посидеть за столом. Обдумать предстоящие дела. Просто разобраться с корреспонденцией, которая накопилась за неделю. Днем все горит и несется. А сейчас можно не торопиться – не бежать.

Он берет с полированного стола, заваленного разного рода бумагами, папку, которую ему с вечера положила секретарша. И начинает неспешно разбирать ее. Вот давно ожидаемый договор на издание новой рекламной газеты в славном городе «Ч». А это, кажется, штатное расписание молодежи, подготовленное отделом кадров: «Надо посмотреть свои отделы. Не обидели ли их с зарплатой. А то инфляция такая, что не успеваешь следить. А это в конце штатного расписания что за отдел? Да это люди Чулева! Он просил взять их на работу. Надо же им где-то числиться».

А вот письмо с иностранным обратным адресом на узком, ненашенском конверте.

Дубравин неторопливо ножницами надрезает конверт. И застывает в недоумении:

– Ёлки-палки! Да это же Франк! Его ответ. Читаем!

«Многоуважаемый господин Дубравин!

Прошу извинить мою неорганизованность и халатность – хочу надеяться, что столь затянувшееся молчание не изменило Вашего отношения ко мне...

Ей-бо, только так, не иначе, начал бы письмо, если бы ты был ну, скажем, министром просвещения (какое министерство в России сейчас самое престижное?) или каким-нибудь там большим депутатом Думы. Однако, зная твой характер, на все 100 уверен, что ты не пойдешь в их шайку. И поэтому – к едреной матери официальные расшаркивания и извинения! Привет, дружище Александр!!! Жму с радостью могучую руку твою!

Когда это было? Давно, когда я сменил адрес, помнится, сразу же отписал тебе. Месяцами тремя-четырьмя позже пришел ответ от тебя, и я, как видишь, до сих пор все еще сочиняю новое послание. Но ты не подумай, я все это время помнил и корил себя: “Надо, надо написать Александру!” И вот – святое время! Отпуск! Шесть недель мичуринства, балконозаседания и пивопития. Времени – хоть удавись. Перебирал вчера свои бумаги (веришь, три года живу на новой квартире, а некоторые коробки с документами, адресами, какими-то записями до сих пор стоят в кладовке нераспечатанные!), и вдруг – глазам своим не верю! Твой конверт с адресом. А я грешным делом уже бабу свою начал долбить: “Это ты, старая, заныкала конверт с адресом, чтобы я не писал, все боишься чего-то...”

Ну вот. Теперь пишу. Гляди, Александр, сейчас спрашивать много буду. Как чукча, любопытный стал – все знать охота.

Но прежде совсем коротко о своем житье-бытье на Наметчине. Купил квартиру – это ты знаешь. Езжу на прежнем автомобиле – это неинтересно. Сменил работу, теперь уже дважды, попёр вроде бы в гору (директор школы). Жена работает в школе, преподает немецкий на курсах для переселенцев из Казахстана, довольна. Сын в школе. Для нормального бюргера – идеальный расклад.

Но все не то, не то. Неудовлетворенность какая-то, пустота. Скоро четыре года, как здесь, а привыкнуть все не могу. Будто срок отсидываю, считаю месяцы до звонка. Почему так? Хрен его знает. Много уже думал, это как ребус, как шарада. Язык для меня не проблема, об этом нет речи. Знаю не только литературный, а диалекты – как Штирлиц. Это чтобы не раскололи. Колбаса? Тряпки? Это мне до фонаря. “Родина предков”, фатерлянд? Так тут в этом фатер... бляха-ляха, лянде, столько загорелых ребят из Кении, Таиланда, Марокко и Перу, что Казахстану с его “лабораторией дружбы народов” и “планетой ста языков” еще ой как долго надо

принимать иностранцев, чтобы выйти на здешний уровень “замагометованности”. Порой задумываешься: где же он, фатерлянд-то?

Часто думаю о Казахстане. Чем бы я сейчас занимался на фоне крепнущей рыночной экономики? Здесь я как-то самому себе на удивление быстро сориентировался – перевожу с немецкого на русский и наоборот, веду курсы для чехов, поляков, англичан, между делом кувыркаюсь в школе. Да, конечно, сейчас интерес Запада к Ср. Азии, в том числе и к Казахстану, растет не по дням, а по часам. Можно было бы приткнуться куда-либо. Но опять же нет гарантий. А дела хорошего и большого – ой как хочется! Не денежного, нет, хотя дойчемарки никогда не помешают, хочется именно ДЕЛА!

Знаешь, пугает информация из Казахстана, Алма-Аты. Люди рассказывают жуткие истории – просто не лезет в башку. Поистине: не войти дважды в одну и ту же реку... Перед отъездом сюда я в 1991 году гостил пару дней в деревне у тетки, где учился до 8-го класса. Конечно, многое изменилось со времен моего октябрятско-комсомольского детства, но изменения-то пошли в лучшую сторону! А тут слушаешь, что творится в Казахстане сейчас, и волос дыбом. Ну да, мне, наверное, хорошо так вот бакланить – сидя за бугром, у компьютера, с кружкой холодного пива... Но куды все катится? Какой конец грядет?

Откровенно говоря, в последнее время не очень-то и много “контактов” с казахско-русской тематикой. Перевожу в основном сугубо научные материалы на заказ, информации из которых много не возьмешь, газет читаю мало, ибо то, что здесь в Хайльбронне предлагают, – барахло, “мадэ ин кружок умелые руки”, типа “Наша газета”, например. Выходит в Ганновере, делают ее ребята-эмигранты евреи. Примерно 50 процентов русскоязычной прессы – с их огорода. А серьезных газет не достать. Но, судя по той ерунде, которую они здесь гонят в своих буклетиках (“Наша газета”, “Мы в Берлине”, “Путь”, “Эмиграция” и пр. дребедень), у них есть что-то общее с казахами. Сначала были ОНИ, потом от них произошли обезьяны, а потом уже все остальное.

Ну да, так я отвлекся. Возвращаясь к теме. Мало информации из России и Казахстана. Информации действительно очень мало. По местному телевидению раз-два в неделю покажут Бориса Николаича с похмелки – всё. Или Лебедь даст “интырвью” с сигаркой в зубах, на этом конец. И потому здесь возникает много-много вопросов. Самых разных и неожиданных. Ученики, например, спрашивают: “Почему сейчас в России или Казахстане нет хороших фильмов, а прет одна дешевка? И где хорошие, знакомые актеры?” Я себя в последнее время тоже часто спрашиваю об этом. Потому как на немецком рынке предлагают на продажу такое видеодермьмо российской марки, что поневоле становится стыдно за русский кинематограф. А книги? Купил как-то раз так называемый “роман”, прочел половину, потом три дня рвало, как после ацетоновой водки.

В принципе с “русскоязычностью” здесь не расстaeшьсeя ни на день. Очень много сюда привалило переселенцев, слишком даже много. По последним данным около 1,5 млн. Процентом 85, конечно, от сохи, с займок народ. Простой и категоричный. “Мы типер здеся, давай нам мирсэдис!” Многие живут месяцев по 6–8 в Германии, не понимая, где они, зачем, что с ними станет. Знаешь, смотришь иногда так, со стороны, и ужасаешься: что система может творить с человеком!

Кроме “фольксдойче” сюда валом, и с большим притом удовольствием, валят представители как больших, так и малых, до недавнего времени крепко сплоченных вокруг руководящей роли и на незыблемом оплоте восседающих народов бывшего СССР. Армяне, хакасы, ингуши, шорцы, алеуты, туркмены, не говоря уже об украинцах и русских. Это доп. груз так называемых смешанных браков. Этот груз ни слова не понимает по-немецки и, что самое страшное, не хочет учиться понимать. Здоровые мужики просиживают до пролежней ляжки в своих приютах, пьют горькую, курят до одурения дешевые контрабандные вьетнамские сигареты из морской травы и помаленьку-потихоньку трогаются тем местом, где у нормальных людей рассудок.

Вот зачем им-то ехать сюда? Представь, Александр, тебя привезли в Индонезию. Язык непонятный, бабы закутаны в простыни, все жрут сырую рыбу и моются один раз в квартал. Сколько часов можно выдержать в этой хреновине?

Ан нет! Народ прет и прет, и часто бывает так, что одна старая бабка-немка, какая-нибудь там Берта Шмидт, везет в Германию целую обойму разного-всякого. Бабка эта, например, после войны, в ссылке, вышла замуж за крымского татарина, тоже ссыльного. Менять фамилии тогда ссыльным не разрешалось, бабка осталась Шмидтихой, а он – каким-нибудь там Юсуфом Хайруллиным. Родился у них сын. Назвали Аликом. Подумали-подумали и решили: черт с ним, пусть будет Шмидтом, как-то лучше в России Шмидты приживаются, чем Хайруллины. Алик, естественно, кроме фамилии, от бабки ничего другого не унаследовал. По-немецки говорить мог разве что одно слово: “Гут!” Паспорт ему в 16 лет выдали и по дурости вклеили туда “немец” – “а как же, Отто Юльич немцем был, это факт!” Ну вот, Алик отмучился в школе, отслужил два положенных кирзовых, там дембель, домой пора, а дома девки, после двух годов тайн под одеялом, зараза, аж масло с них капает! Ну и женился Алик на Зухре: хоть и туркменка, а сиськи – во! Через полгода у них с Зухрой приключился Наиль, потом – Надя, потом – Рустамчик...

А тут как раз перестройка. М.С. границы открыл, и соседки бабке Шмидтихе нашептали: теперь можно “туды”! Сечёшь поляну? Бабка Берта, дед Юсуф, сын их Алик с невесткой Зухрой, Наиль со свежей женой Нюрой и доченькой Ирочкой, Рустам с Таней и с внуком Мироним – все в Германию. Потому как бабка Берта по немецким законам имеет право на въезд в ФРГ как пострадавшая от сталинских репрессий и высылка немка, сын ее – ясно, немец, дети его все это вычислили и переделали давным-давно свои паспорта на “немецкие”...

Какое у них будущее? А вообще – чего я о них забочусь? Какое у меня будущее? Кто это сказал: “Свобода нужна образованному, а тому, кто проще, нужна жратва...” Чего нужно было мне?

Сейчас, наверное, скажешь: во, понесло фраера! Это я с пива. На трезвую голову все больше молчу и размышляю. И если это мое письмо до тебя дойдет (не думаю, что КГБ надует его вдруг расшифровывать), то не суди меня так строго, дружище Александр!

Ты случаем не встречался ли с Сергеем Подкабанским? Чем он сейчас занимается, вождь наш идейный? Был у меня в Алма-Ате знакомый такой – Владимир Алексеевич Аусман, немец, бывший комсомольский лидер из Кустаная, потом его вынесло в ЦК, завотделом межнациональных отношений. Во идейный был гусь! Он и спал, наверное, только с “Капиталом” под задницей. Интересно бы знать, как он сейчас себя чувствует в руинах лучезарного храма?

Хотя неделю назад мы с женой вернулись с Крита. Встречали там море русских нуворишей. Четко просматриваются две категории – бывшие хранители и ныне пользователи золота партии и их слуги. При Брежневе и Андропове эти слуги либо еще ползали под столом с соской во рту, либо подкармливались в солнечном Магадане. Сегодня они на Крите. И мы не хуже многих! А личики у них, не обезображенные интеллектом...

Вот такой расклад, Александр. Перечитал сейчас только бред свой сивокобыльный. Тебе трудно будет. Не пробиться сквозь это все. Но ты не сетуй, пожалуйста, будет время – дай знать о себе.

Пока все. Ну, да ладно. Привет – и пока. Пиши осторожно, вдруг моя благоверная первая вскрыет письмо твое. А там, как в анекдоте про Чапаева, – про ружья написано...

Франк!»

«Коротко и ясно! – думает Дубравин. – Надо бы дать ему ответ». Но в дверях уже появляется Гюзель. Несет чай. Начинается суетный новый день!

III

Письмо Андрея не выходит у него из головы: «Вот как оно все повернулось! Несладко Андрюхе на своей исторической родине. Видно, не только хлеб с маслом нужен человеку, чтобы радоваться жизни. Мужик хочет еще и как-то реализовать себя. Куда-то двигаться...»

В этот момент его размышления резко прерывает вошедшая слегка бледная секретарша. Она как-то странно смотрит на Дубравина. И тихо говорит:

– К вам там пришли...

– А! – неопределенно мычит он в ответ. Мало ли кто заявляется к нему с утра.

А его черноглазая, черноволосая, свежая «конфетка» тихо, видно, для того, чтобы не слышно было в приемной, почти шепотом добавляет:

– Из налоговой полиции!

– Ого! Ну, зови! – говорит он. А у самого сердце в груди ёкает. И сжимается от страха. Каждый советский человек, его друзья, родственники – все общество за годы советской власти на собственной шкуре в течение семидесяти пяти лет познавало доброту и заботу государства трудящихся. И каждый из них на генном уровне боится и ненавидит власть. Дубравин не исключение. Тем более он работает в такой сфере, где все еще не установилось, правил нет, а стало быть, у властей море возможностей для «импровизаций» над бизнесом.

Гюзель тихо выходит. И вслед за нею в кабинет прошмыгивает маленький, миниатюрный человечек в штатском. Его облик кажется Дубравину странно знакомым. И уже через минуту он вспоминает. Но не фамилию, а историю.

Было это в Алма-Ате. В те времена, когда он работал в автомобильном журнале. И заведующий техническим отделом некто Туманов попал в органы за спекуляцию книгами. Вот тогда и появился у них в редакции этот человечек. Следовательно. «Как же все-таки его фамилия? Что-то связанное с камнем. Только у него тогда были длинные волосы до плеч».

– Константин Андреевич Кремень, – представляется человечек. И добавляет: – Начальник отдела налоговой полиции. – Потом он слегка шмыгает носом. Видимо, от простуды. И еще раз, оглядев маленький скромный кабинетик Дубравина, добавляет: – Однако скромно у вас!

Дубравин ничего не отвечает. Он, как и все люди, фактически работающие в бизнесе, в общем и целом представляет себе функции налоговых полицейских. И знает, что в этой организации оседают в основном силовики, ушедшие из других структур – МВД, КГБ, прокуратуры. То есть фактического сокращения таких подразделений почти нет. Кадры, так сказать, перетекают из одной службы в другую. Соответственно, с ними переходят и подходы, методы, менталитет. Советские. Так что от этих ждать чего-то нового не приходится. Все как было в ОБХСС. Поэтому он просто спрашивает:

– А что это вы и к нам? Чем обязаны? Вроде бы как наше агентство «Завтра» не самый крупный налогоплательщик в Москве? Есть фирмы в десятки раз крупнее...

– А у нас плановая проверка. Вы по графику попадаете! – заявляет на «голубом глазу», честно глядя Дубравину в лицо, новоявленный налоговый полицейский, перелицованный и перешитый из бывшего стража социалистической собственности.

– А у вас имеются какие-то документы, приказы на проверку? – все еще сомневается Дубравин, прекрасно знающий, чем сегодня промышляют пустившие новые корни силовики.

Кремень достает из коричневой папки аккуратно сшитые металлической скрепкой листы. Подает. Действительно, это постановление, подписанное начальником и предписывающее подполковнику Кремню и майору Шамшурину «произвести проверку» на предмет... И так далее и тому подобное... Возразить нечего. Тем более что в кабинете через несколько минут материализуется и второй – такой крепенький, спортивный, гладко выбритый до синевы на щеках мужичок. Глядя на него, Дубравин долго пытается разобраться в своих ощущениях. И вдруг

его озаряет: «Да, это же гэбист! Как я сразу не догадался! Такие же ребята пасли нас в студенческой юности. Вот откуда ноги растут!»

Дубравин вызывает главбуха по телефону:

– Валентина Петровна! Зайдите ко мне!

Через минуту всплывает на порог, занимая оставшееся пространство, главный бухгалтер. В могучих руках у нее тоненькая папочка на подпись, а в смешливых глазах любопытство.

– Вот к нам! Из налоговой полиции! – торопливо представляет ей визитеров Дубравин. – Говорят, что у них плановая проверка. Товарищам надо предоставить бухгалтерские документы за прошлый и нынешний годы. А также найдите им рабочее место, – говорит он, а сам наблюдает за тем, как меняется выражение ее лица.

Когда неожиданные подполковник с майором уходят, Дубравин призадумывается. Что-то в этой проверке не так. Во-первых, никто никогда не слышал о плановых проверках налоговой полиции – этим занимаются налоговые инспекции. А во-вторых, «Завтра» не такая значительная фирма, чтобы их интересовать. Тут явно какой-то внутренний скрытый смысл, в котором надо бы разобраться. Кто может помочь ему? Ну, конечно, тот, кто связан со спецслужбами. Вращается внутри этого механизма и знает, как в нем работают пружины и шестеренки.

Тем и хороша большая газета, что в ней есть «мастера на все руки». Дубравин направился к ребятам, которые немало писали в последние годы о работе наших спецслужб. Поспрашивать у них, поискать, откуда дует ветер. К его счастью, Игорь Черняховский находится на месте. Когда-то они вместе заседали в общественной комиссии «по лучшим материалам». Определяли, кто достоин редакционной премии за лучшие заметки. Там и подружились. Игорь – черноволосый, черноглазый, немного медлительный, но основательный и надежный – встретил его приветливо и уважительно. Перед ним лежала верстка сегодняшнего номера, но он оторвался, чтобы поговорить.

Дубравин обрисовывает ему сложившуюся ситуацию:

– Понимаешь, ни с того, ни с сего является подполковник с майором в придачу. Заявляют, что у них плановая проверка. А какая она, к чертям собачьим, плановая, если мы о ней в первый раз слышим? Явно что-то не так. Темнят они, голубчики... – горячится Дубравин.

– А бумага у них есть? Ну, распоряжение какое? – задумчиво почесывая высокий лоб шариковой ручкой, спрашивает Черняховский.

– Да, есть, я смотрел!

– А кем подписана?

– Начальником налоговой полиции Северного административного округа столицы.

– Ну, давай, Саня, посмотрим, что да как! – флегматично замечает журналист.

* * *

Через пару дней Черняховский звонит Дубравину и озабоченно просит зайти. Сегодня он более оживлен. И разговор у них получается быстрый.

– Ну вот что удалось накопать через знакомых ребят из органов. Ниточка от налоговой тянется к Гусю, медиамагнату Гуцинскому.

– А ему-то до нас какое дело? – удивляется Дубравин.

– Самое простое. Может раздолбать конкурентов! Во всяком случае, в его службе безопасности заправляет бывший начальник управления союзного КГБ Филипп Попков. Вот он и «нанял налоговую полицию», в которой тоже полно бывших, чтобы они пришли к нам с проверкой. Остальное – дело техники. А эти ребята – просто пешки. Им приказали. И они пришли. Сказали – копать. Они и копают. А с чем это связано, я не знаю! Вот такие, дружище, дела!

– Ну, спасибо тебе! Будем думать! Что-то делать...

На душе у Дубравина, однако, муторно и тревожно: «Да, такое время наступило. Были бы деньги – и можно нанять любую государственную структуру для своих целей. Потому как нету больше государства. Есть грязная, вонючая куча мусора. Остатки того, что раньше называли великим советским государством».

Он вернулся к себе. Посидел, подумал. Потом крутанулся в кресле, потянулся к телефону. Бросил трубку обратно. И вдруг! Ох, уж это «вдруг». Отчетливо вспомнил. Две недели назад в молодежной газете была опубликована статья, в которой рассказывалась одна очень темная история. Из нее следовало, что каким-то невероятным образом правительство дало частной конторе господина Гущинского огромный кредит в сотни миллионов долларов. Кредит ушел на закупку и запуск частного спутника для расширения вещания частной телекомпании. В статье делались и кое-какие намеки, объясняющие такую невиданную щедрость. Якобы глава правительства собрался на выборы. И ему нужен свой медийный ресурс. Такая новость, конечно, всполошила кремлевских небожителей...

Ну а дальше все ему более-менее понятно. Те, кто попал, решили заткнуть журналистам рот. Но как? Попробуй напусти своих псов на редакцию. Будет такой скандалище! Зажим свободы прессы. Наезд на крупнейшую газету. Вот, видимо, они и решили газету не трогать. А попытаться разрушить ее экономическую базу. А так как деньги для издания зарабатываются в группе «Завтра», сюда и пришли полицейские. Нарушения искать. Разорить ее штрафами. Запугать. Заставить журналистов заткнуться.

Это какое-то озарение. Но озарение, как говорится, к делу не подошьешь. Надо искать пути нейтрализации этого наезда налоговой полиции. Но как?

Дубравин решает: «Не буду выносить этот вопрос на совет. Пойду посоветуюсь к Протасову. Ну, не идти же с ним к Чулёву. Ведь я только пару месяцев назад заменил его на посту генерального директора группы “Завтра”. То-то он порадует, что я попал в такую историю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.